

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

Приключения Атреллы

**ДОРОГА НА
РЕГАЛАТ**

16+

Андрей Звонков

**Приключения Атреллы.
Дорога на Регалат**

«Автор»

2020

Звонков А.

Приключения Атреллы. Дорога на Регалат / А. Звонков —
«Автор», 2020

Мир Арринда суров, но справедлив. Однако подростку, девушке с талантом лекаря довольно сложно договориться с ним, ведь, когда есть способности, очень хочется их попробовать, тем более, что лечить людей и получать ощущение успеха так приятно. Одна беда — бесплатно, без диплома и без лицензии этого делать нельзя. Если дома такие шалости сходили с рук, то в самостоятельной жизни, бескорыстное лечение — это преступление против богов. Нэреиты идут по следу.

© Звонков А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

БИБЛИОГРАФИЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ НЕОБХОДИМО ПРОЧЕСТЬ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ МОЖНО НЕ ЧИТАТЬ	7
Часть первая «Семейный скандал»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Звонков

Приключения Атреллы. Дорога на Регалат

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОРОЖЕЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТРЕЛЛЫ
Я ОСТАЮСЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!
АНАЛИЗЫ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ
НИКТО, КРОМЕ ВАС
НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ
ЧУМНОЙ ПОЕЗД
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ
ПРОЕКТ А.К.С.О.Н.
КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ 2-е издание

ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ НЕОБХОДИМО ПРОЧЕСТЬ

Роман этот был написан много лет назад и еще в черновом формате опубликован на сайте samlib.ru, откуда его выкрали и перекопировали многие пиратские сайты типа librus.ec, Флибуста и т. п.

Я переделывал эту книгу несколько раз и вот этот последний.

Поэтому, роман, который вы открыли сейчас, значительно отличается от тех сворованных текстов его, которые возможно скачивались вами из интернета раньше.

Будет ли продолжение?

Конечно.

За десять лет многое переосмыслилось.

Легкомысленный фентезийный роман про лекарку Атреллу наполнился не только сюжетом с приключениями и интригами, но и кое-какой информацией доступной внимательным и думающим читателям

Я продолжаю работать и надеюсь, что вторая книга с условным названием «Звезда Релиндра», будет дописана и опубликована в официальных интернет-магазинах.

ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ МОЖНО НЕ ЧИТАТЬ

Если вы ждете чего-то уникального от этой книги, то Бог вам в помощь. Это обычный фэнтезийный роман. На всякий случай добавлю: **«Все персонажи вымышлены, мир вымышлен, условия бытия вымышлены, проблемы вообще высосаны из среднего пальца левой руки автора, и любое совпадение с реальностью – абсолютно случайно!»**

В начале 2000-х моя старшая дочь увлеклась ролевыми играми в жанре фэнтези, чему изрядно поспособствовал выход трилогии фильмов Джексона по романам Дж. Р. Толкиена «Властелин колец». Я невольно втянулся следом в эту авантюру, но уже не как игрок, а как гейм-мастер.

Так уж вышло, что, начав играть и познакомившись с мастерами, я был поставлен перед выбором: учиться на мастера сразу, а не пытаться совмещать амплуа игрока и ДМа, либо вообще оставить затею участвовать в кампаниях и модулях. Пришлось согласиться, ведь мне было очень интересно. Прежде всего, освоить новое для меня направление в литературе – фэнтези.

Хитрые мастера потребовали от меня придумать новую оригинальную фэнтези-вселенную для игры.

Я посоветовался с опытными потребителями фэнтези и решил, что нужна особая оригинальная вселенная – мир, отличающийся от привычных, с одной стороны, а с другой достаточно типичный, чтобы не ставить игроков в условия необходимости переучиваться от освоения версии AD&D.

Так родился мир Арринда и его основная религия – дуализм богов Лита и Нэре.

Мужчина и Женщина по отдельности и как две части целого. Ин и Янь. Любовь и Ненависть, Огонь-Вода и т. п. Вечный конфликт и неизменное притяжение противоположностей.

Сразу предупрежу взыскательного читателя, если он геймер-потребитель. Фэнтези-литература может стать основой хороших фэнтези-игр, на что и рассчитывали мастера, потребовав от меня, сотворить новый мир, а вот игра-фэнтези стать основой для книги, уточню – для хорошей интересной книги – не сможет. Что и подтверждается многочисленными попытками.

Различные авторы брали за основу игровые вселенные и писали сюжеты для книг, но как только они хватали готовые сыгранные кампании – выходила довольно невыразительная писанина «на любителя», ссылаться на которую я даже не хочу. Хватит такой характеристики: «за всей историей слышен стук кубиков мастера игры».

Именно поэтому известные авторы: Сальваторе, Кук, Лукьяненко, Перумов, Васильев, Янковский и др. – хоть и писали книги в игру, для игры, используя идею игры, вселенную, правила и условия – все-таки на первое место ставили драматургию, интригу, сюжет и характеры героев. От этого книга становится книгой, а не пересказом игры с объяснениями поступков персонажей.

Кстати, обратите внимание, как много места уделяют литературной основе разработчики Варкрафта.

Любой фэнтезийный мир, это прежде всего – история. И чем она подробнее, детализированнее – тем интереснее будет потом и сам Мир для книг и игр и игра в нем.

Романы из «Хроник Арринда» – межавторский цикл. Читатель, может быть, уже имел возможность прочесть роман Юлии Скуркис – «Роковое наследие»?

Кроме меня и Юлии в цикле работали Татьяна Минасян и Сергей Лукиянов.

Но найти автора, желающего писать в «чужой» вселенной, под диктовку создателя, нелегко. Большинство стремится придумать свою версию, трактует и толкует события по сво-

ему. Поэтому я больше не стал никого приглашать в мир Арринда, чтобы писать. Ибо сложнее всего удержать нового автора в границах правил Мира.

Переделав эту книгу об Атрелле, я по мере возможности приступаю к продолжению этой и другим историям из хроник Арринда.

Но должен предупредить читателя, что роман – в первую очередь литературное произведение, а героиня его персонаж. Она героиня истории, живой человек, как и остальные участники этой книги, а не персонаж участника игры. Предлагаю таковой ее и воспринимать.

А. Звонков 2020.

Часть первая «Семейный скандал»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Атрелла уходит «куда глаза глядят», а профессор Орзмунд плачет.

Поздний зимний вечер опустился темно-синим покрывалом на окружной центр Гразид на острове Норскол.

Вдоль дорог светились редкие столбы-фонари, кое-где горели окна готовящихся отойти ко сну жителей. На улицах, заметаемых колючим снегом почти никого, даже собаки попрятались.

На площади, неподалеку от дома градоначальника пыхтел междугородний паровой тарантас, прибывший из Ганевола.

Высоченная фигура укутанная в меха двигалась в сторону окраины, иногда приближаясь к дорожным указателям, несколько минут стояла, согнувшись и разбирая знаки, затем продолжала движение, загребая снег огромными сапогами. Широкий меховой головной убор гигантского путника проплывал мимо окон второго этажа.

Тот что-то бормотал, всхлипывал и иногда останавливался, растирая себе рукавицами нос, большой и отвисший как сосулька или уши, торчащие из под шапки в разные стороны.

Из множества окон в трехэтажном особняке, в направлении которого двигался гигант, светились только два на втором этаже.

В комнатах первого этажа входные и внутренние двери высотой четыре метра, а потолки в помещениях – все пять. Зачем так?

Дело в том, что лекарь Витунг Орзмунд лечил гендеров – гигантских человекообразных существ, рост каждого не меньше трех метров. Вот для них и был спроектирован особый дом – больница. В нем разместились на первом этаже комнаты-палаты и светлая операционная с огромным столом больше похожая на большую стеклянную оранжерею.

Орзмунд теперь уже бывший профессор, бывший почетный член Королевского общества лекарей, бывший академик... ибо изгнан он отовсюду. С позором изгнан. Научное сообщество не приняло его теории и методики операций.

Именно представитель расы гендеров сейчас приближался к дому профессора.

В уютно обставленной комнатке, в большом кресле, обтянутом кожей, подложив под спину подушку, русоволосая девушка читала книгу. Она задумчиво щекотала себе кончик носа, отчего потом чихала как кошка – «пссс», и тонким пальцем с аккуратно постриженным розовым ногтем вела по строчкам новохарандских стилизованных под древние иероглифов.

Книга, которой она столь сильно увлеклась, относилась к жанру исторических реконструкций, была до краев наполнена парадоксами, вопросами и сомнениями, ибо повествовала о самом загадочном периоде в истории севера – тайне Слемира.

Слемиром звали мальчика – жреца бога Литы. Он – историческое лицо, существование которого, однако хоть и не оспаривается адептами богини Нэре, но они требуют объяснений. Главный их аргумент – ребенок не мог получить до совершеннолетия и официального рукоположения силы бога.

Автор книги «Загадка Слемирова архипелага», скорее всего, воспользовался псевдонимом – ибо историка с таким именем в обозримых государствах, где пользовались ново и старохарандской письменностью, не было. Издатель не указал, что это перевод, стало быть, книга написана там же где и издана – в Рипене.

Обилие реконструкций, страшных жестоких сцен человеческих жертвоприношений, необъяснимых явлений и чудесных воскрешений... если бы не ссылки на вполне реальное историческое лицо и земли, существующие на самом деле, книгу можно было бы принять за авантюрную сказку. Автор пытался объяснить «Феномен Слемира» и, похоже это ему удавалось неплохо. Во всяком случае, среди адептов учения бога Лита – Солнца, понимание находилось сразу, а антагонисты – нэреиты, вряд ли станут читать книгу о Слемире. Он для них не авторитет. Хотя никто из них не подвергает сомнению реальность его существования.

За окном бесновалась февральская метель. Ветер стучал в окна, рассыпал по ним снежную крошку. На столе переливался всеми цветами радуги музыкальный кристалл, звучала негромкая мелодия.

В уличную дверь постучали – очень деликатно, почти неслышно. Атрелла прижала книгу к груди и, свесившись на правый бок, взглядом поискала тапочки. В дверь снова постучали. Атрелла хорошо знала, кто обычно так стучит. Так, будто уже в самом стуке слышится настойчивое извинение. Она нахмурилась и, подтянув шерстяные носки, сползла с кресла и ногой принялась выуживать забившиеся под кресло тапочки. Книгу она при этом не выпускала из рук.

Так всегда стучат гендеры. Почтальон стучит сапогом, с окованным железным носком, а вот гендеры рукой в толстой варежке, оттого и стук такой, будто они скребутся.

Слуг в доме последние недели не было. Все уволились, а нанять зимой на севере прислугу непросто. Особенно в таком небольшом городке, как Гразид. Все друг друга знают, и дурная слава разбегается скорее доброй.

Но кто-то же должен сходить и открыть дверь!?

И этот кто-то тоже так думал. Думал и не торопился.

В дверь постучали третий раз, уже требовательнее. Девушка со вздохом заложила страницу, задвинула книгу под попу и, еще раз вздохнув обреченно, достала обувь из под кресла руками. Идти в одних носках она не могла: как это, ходить по дому без тапочек? Сама мысль ходить по дому босиком, а носки не обувь – ей казалась крамольной и недопустимой. Спустившись в огромный приемный зал первого этажа, девушка дернула рычаг на стене, и в люстре сработали створки, отпуская на волю свет.

В прихожей она еще одним рычажком запалила огонь в непростывшем камине и сняла колпачки с вечных свечей – двадцатисантиметровых прозрачных ярко светящих стержней.

Девушка уже прикоснулась к двери в уличный холодный тамбур, когда громкий стук с улицы раздался в четвертый раз. Гендер потерял терпение.

Из дальней комнаты донесся голос отца:

– Трелька! Оглохла, что ли? Стучат, открой скорее, пожалуйста!

– Уже иду я, иду! Открываю! – с долей раздражения ответила девушка и спустилась в холодную парадную.

Тут, действительно, без тапочек никак нельзя. Февральский ветер забивал в щель уличной двери иголки перемерзшего снега, а каменный пол, хоть и застелен тростниковыми циновками, но морозил даже сквозь толстые кожаные подошвы и шерстяные носки. Она сняла с вешалки и накинула на плечи меховую душегрейку, отодвинула засов и отступила на шаг в полумрак.

– Заходите! Заходите, скорее! Дует! – постаралась произнести это как можно звонче, чтобы перекрыть звуки ветра.

Четырехметровые двойные створки распахнулись под порывом.

Сложившись пополам, видимо, по привычке, не замечая высоты дверного проема, в дом протиснулась громадная длиннотелая фигура в глухом меховом плаще, будто состоящая из множества шарниров. Фигура вошла в подъезд, переломившись в нескольких местах, и при-

няла форму перевернутого рыболовного крючка. Макушка Атреллы заканчивалась чуть выше пояса фигуры.

Из-под большой меховой шляпы с обвисшими от снега полями, на девушку смотрели огромные миндалевидные глаза с сине-зелеными с фиолетовым отливом тенями как на верхних веках, до самых бровей, так и на нижних, отвисших складками. Создавалось впечатление, будто визитеру поставили «фонари» под оба глаза. Еще лицо украшали нарисованные стрелки от наружных углов глаз до самых ушей, обильно увешанных колечками и колокольчиками, которые размашисто подпирали головной убор, загибаясь вперед. Поверх шарфа свисали длинный прямой нос с жемчужинками в крыльях, крупные губы с золотыми колечками, оттянутые книзу и острый выбритый и покрытый гримом подбородок. При каждом движении колокольчики на ушах тонко звенели.

Вся эта бутафория на длинном морщинистом лице в обществе гендеров считалась последним веянием моды и особым шиком.

Шеи посетителя не было видно, ее скрывали толстый вязаный шарф и воротник плаща. Из-под шляпы вокруг ушей и лба выбивались длинные прямые соломенные, местами подкрашенные зеленой и оранжевой краской, волосы.

А ведь они считают это красивым, – подумала девушка, отводя глаза от аляпистой «красоты».

Существо несколько минут задумчиво изучало Атреллу, не обращая внимания на ворвавшийся через открытую дверь колючий ветер, после чего скрипучим басом проговорило:

– А не скажет ли мне милое дитя, что столь любезно открыло дверь в эту жуткую холодную непогоду на этих ужасных ледяных островах, дома ли глубокоуважаемый высокоученый лекарь – профессор Орзмунд? – и это была самая короткая речь в истории существования расы гендеров.

Атрелла вздохнула, подобные визиты ей изрядно надоели. Странно еще, что гендер не высказался по поводу ее прически и одежды... Девушка кивнула:

– Дома! Да вы проходите, я дверь закрою, а то холодно!

Фигура не сдвинулась с места.

– Я хочу выразить огромную благодарность вам, любезное дитя, что вы сообразовали открыть дверь несчастной путнице, проделавшей долгий путь в страданиях, одиночестве и тоске! Нестерпимый мороз, невыносимый ветер, ужасный дилижанс с жесткими, неудобными сидениями и тряская дорога от Ганевола в компании каких-то неотесанных полулюдей, к тому же отвратительно безвкусно одетых... но все это ничто по сравнению с уютным домом вашего отца, – гостя не сделала ни шага в дом, говорила она при этом мужским голосом, раскачиваясь под плащом, то кланяясь, то прогибаясь. Длинные руки ее при этом то взлетали к потолку с выражением вселенской скорби, то горестно обрушивались почти до пола, отчего человекообразное существо походило на харандского монстра хого-того, который по слухам обитает в запретных землях.

Атрелла поняла из ее тирады, что их дом намного хуже всего, что до сих пор видела за сотни лет гостя, или по крайней мере из перечисленного... Впрочем, для гендеров важен не смысл сказанного, а красота фразы. Главное она должна быть длинной, содержать побольше красивых слов и оборотов. А уж что сказал гендер, неважно. Главное – красиво!

– Хотите выразить, так выражайте скорее! – Атрелла, не особенно церемонясь, взяла трехметровую фигуру за полы плаща и потянула на себя, затаскивая в подъезд, после чего зашла визитеру за спину и, помогая себе руками и ногами, упираясь попой и ногами в косяк, протолкнула гостя дальше к лестнице.

Гендер хлопнулся на четвереньки, и пополз в прихожую.

Атрелла закрыла дверь и задвинула засов. Гость или гостья, все так же ломаясь телом в трех-четырёх местах, не спеша полз по лестнице в прихожую, и его движение напоминало движение гусеницы, то вытягиваясь, то подбирая отстающий зад.

Атрелла замерзла, поэтому, двумя руками упираясь в нижний из выступающих шарниров, кряхтя от натуги, помогла гостю подняться и встать на ноги:

– Холодно же! – сказала она жалобно. Она не думала о том, понимает ли ее гендер. Обычно они начинают воспринимать фразы из полутора десятков слов, не меньше. Причем смысловый акцент нужно обязательно делать на финальные слова, ибо первые десять слов только включают внимание гендера, тогда как последние несут для них суть фразы. Атрелле было безразлично, понимает ли гость ее. Она продолжала пихать гиганта, чтобы самой, наконец, уйти подальше от холода парадной.

Гендеры живут намного дольше людей, поэтому никуда не спешат вообще, и в разговоре не спешат. Для гендера в порядке вещей, выслушав трижды повторенную фразу, ответить через полчасика, когда собеседник уже успел куда-нибудь сходить по делам и вернуться.

Одно было хорошо – гендеры никогда ничего не забывали. Это ходячие регистраторы истории. Все что они видели и слышали, все что читали – могли воспроизвести и описать с точностью копировальных пластин, которые использовались в книгопечатании.

Поэтому каждый гендер – от рождения нотариус. Для любой сделки достаточно пригласить гендера и получить его подпись.

В доме Орзмунда подобные визиты случались раз в месяц – два. И каждый раз Атреллу они приводили в бешенство.

Без ненужных церемоний девушка, наконец, затолкала гостя или гостью в прихожую и громким противным голосом объявила, указав на открытую дверь в гостиную:

– Раздевайтесь, и располагайтесь! Папа сейчас выйдет, – потом крикнула в глубину дома: – Па! К тебе пришли! – после чего отправилась дочитывать книгу. Она принципиально не хотела подстраиваться под привычки гендеров.

Гендерка принялась сматывать длиннющий шарф. Она не заметила, что девушка уже ушла. Говорить она начала еще в подъезде, продолжала, когда Атрелла позвала отца, и не остановилась, даже когда девушка вернулась к себе в комнату и снова устроилась с книгой в кресле. Низкий голос ее создавал шумовой фон, к которому не было никакой необходимости прислушиваться, а уж стараться понять – тем более.

В пустой гостиной гендерка изливала слова благодарности, при этом каждое прилагательное, срывавшееся с ее отвислых губ, будто вызывало какую-то реакцию в организме, и шарниры переключались, отчего поза ее все также непрерывно менялась.

Девушка уже давно вернулась в комнату и вновь попыталась читать книгу, а гостя все говорила и говорила...

В гостиную вышел отец, Витунг Орзмунд – типичный северянин: соломенные коротко остриженные волосы на круглой голове, массивная шея и широкие атлетические плечи. Вот ростом он, правда, не вышел. Лет ему было за пятьдесят, тридцать из которых он отдал изучению лекарского искусства. Он помог долговязой гостье раздеться, и та, наконец, освободилась от мехового плаща, шляпы и длинного вязаного шарфа.

Атрелла через щель в неплотно прикрытой двери, нахмурясь, наблюдала за гостьей. Или гостем, который явился, чтобы поменять пол на женский... Ей все это очень не нравилось. Именно из-за них, гендеров, она сейчас не веселилась с подругами, у них не бывало шумных гостей, и слуги не приживались. Именно из-за них, на выпускном балу в школе молодые сверстники ее не приглашали на танец, и она весь вечер простояла у стенок. А потом ревела дома в темной комнате.

Гендер был немолод, но и не стар. Вероятно, что у него уже есть дети и даже внуки. Девушка уже научилась по морщинам на шее и лице и по длине ушей определять примерный

возраст подобных гостей. Гендеры – долгожители. Их срок исчислялся в среднем в полторы тысячи лет. Этому гостю было от восьмисот до девятисот.

Назвать гендера красавцем или гендершу красавицей мог бы только другой гендер. Сами себя они считали эталонами красоты, стилистами, искусствоведами и вообще единственными жителями мира, кто действительно знал и понимал, что такое настоящая красота. Нет, среди них было немало нормальных особей, не заикленных на оценивании прекрасного – таких, которые служили архивариусами, нотариусами – но эти, как правило, к отцу не приходили. Все беды и радости гендеров в том, что при их создании выяснилось, что они обладают уникальной памятью, при этом начисто лишены фантазии. Гендер неспособен лгать. Для того нужно выдумывать, а вот тут-то вышла осечка. Абстрагироваться, представить что-то, они тоже не могут. Поэтому в математике и естественных науках гендерам дел нет. Для гендера художника в порядке вещей писать картину двадцать лет. Ему некуда спешить.

Гендер, заламывая руки, объяснял, что в этом теле жить невыносимо, что вся сущность гендерская восстает против вопиющей несправедливости: жить с женским восприятием, чувствами, самооценкой в мерзком мужском теле. Все ужасно: она такая некрасивая, приходится накладывать много макияжа, но это же все ложь, а ложь и гендеры – несовместимы!

– Я должен стать женщиной, господин доктор! – стонал гендер. – Я уже заручился поддержкой клана. – Он достал письма. – Вот, глава клана Ройо просит вас, господин доктор, он перечислит на ваш счет любую сумму за операцию! Вот открытый вексель от казначея... Я вас умоляю! Я выполнил условия закона и зачал четырех детей!

«Он уже весь клан достал», – мстительно подумала Атрелла, – А вот зачать четырех гендерёнышей, это действительно, подвиг!» В отличие от многих других нечеловеческих рас, гендеры не дают перекрестного потомства, как это бывает у морскатов и фардвов. Гендеров-полукровок не бывает.

Девушка принципиально не глядела больше в гостиную, где распинался несчастный гендер. Все шло по старому, давно известному сценарию.

Витунг принял письмо, вскрыл цилиндр и быстро, «по диагонали» просмотрел текст. Гендеры писать коротко не способны, также как и говорить.

Профессор разработал операции по смене пола гендерам несколько лет назад. Сперва это было чем-то вроде бахвальства: «А вот как я могу!». Потом, когда пошли пациенты и солидные деньги, а прооперированные разнесли славу о лекаре, отказываться стало глупо.

Во всем есть риск. Герцогство Норскап – единственное государство, где такие операции администрация провинции не запретила. Налог, выплачиваемый профессором в городской бюджет, составлял ощутимую долю. Запретить, означало лишиться солидного дохода. А, как известно – деньги не пахнут.

Закон не карает хирурга, но общественность осуждает.

Профессору Орзмунду, сделавшемуся героем фельетонов и карикатур в рипенских и регалатских газетах, пришлось оставить университетскую клинику, кафедру в столице Федре и заняться частной практикой, переехав в Гразид.

Атрелле периодически приходилось выслушивать упреки родственников и знакомых, что ее отец – большой грешник, ибо идет против воли богов. Поменять пол – это не бородавку с носа удалить. Всякий раз, когда отец соглашался делать операцию, в доме назревал скандал. Несколько раз Атрелла уходила жить к школьным подругам. Но потом ей отказали. Дружба с дочерью Орзмунда тоже порицалась.

Она возвращалась, когда отец обещал, что это был последний раз, но проходил месяц или два, и появлялась новая шарнирчатая фигура с длинными губами и ушами, которая, заламывая руки, умоляла то отрезать лишнее, то пришить недостающее.

Гендеры брали профессора измором, пользуясь законом об исключительности гендерской расы. За убийство гендера следовала не просто исключительная мера, страдал весь клан

преступника, ибо все имущество отходило клану убитого гендера, а родня убийцы попадала в кабалу на десятилетия, выплачивая половину всех доходов семьи.

Проблема гендеров в медицинских кругах получила название гендерной дистрофии, ибо наблюдалась исключительно в среде этой расы. Впервые это заболевание описала лекарь Сиятвинда почти четверть века назад – но, будучи еще и жрецом бога Лита, она утверждала, что идти на поводу у типичной истероидной реакции означало одно: создать прецедент и из единичного каприза заскучавшего гендера бездельника, называвшего себя стилистом, перевести курьезную ситуацию в разряд заболевания.

Главный лекарь Рипена Анколимэ крайне негативно отнесся к факту, что его бывший друг и однокашник Орзмунд решился на эти операции. Он написал другу гневное письмо, требуя немедленно прекратить, но профессор уже не мог отказаться от такого заработка. Чтобы получить сумму, эквивалентную оплате за одну операцию гендеру, ему надо было трудиться в университетской клинике целый год, прооперировав тысячи обычных людей и фардвов.

Выслушав гендерку, Витунг Орзмунд отвел гостью в специально приготовленную для гендеров комнату с длинной кроватью и большим креслом, а сам вернулся и постучал в дверь дочери.

Атрелла нахмурилась еще больше, сжала губы и в знак протеста поглубже спрятала под себя ноги. Вообще вся ее фигура заявляла: «Ты думай что хочешь, но лично я – против».

Она смотрела в книгу, уже не читая, а водила взглядом по одной строчке пиктограмм: «В основе жизни заложена любовь, изливаемая Литом на все живущее в мире, ибо только любовь истинно созидательна и конструктивна. Ведь только силой любви можно сотворять и развивать. Любовь между родителями и детьми, между мужчинами и женщинами развивает и совершенствует этот мир. Только любовь залог успеха лекарского искусства для любого мастера врачевания независимо от его способности данной богом от рождения».

Отец подошел к креслу и наклонился, пытаясь узнать, что так старательно изучает дочь. Атрелла демонстративно подняла книгу, чтобы тот мог прочесть на обложке: Дерамот Линд «Загадка Слемирова архипелага».

– Очень спорная книга, – сказал Витунг. – Линд пытается доказать, что семилетнему мальчишке, который не умел ни читать, ни писать, удалось расшифровать надписи на развалинах храмов... и лечить простым наложением рук. Ты-то понимаешь, что это невозможно без глубоких знаний о строении организма?

– Папа, не надо уходить от темы, – твердо произнесла Атрелла, не поднимая глаз от книги. – Ты должен сказать ему «нет»! Хватит уже! Ну, сколько можно?

Витунг Орзмунд тяжело вздохнул, и потянулся было погладить дочь по голове. Но та резко дернулась, и он убрал руку.

– Милая Трелька, я на корабле, с которого на ходу не прыгнуть. Это несчастные люди...

– Это не люди, а гендеры, – Атрелла посмотрела отцу в глаза. – В отличие от нас, людей они живут полторы тысячи лет... и никто не виноват, что, дожив до середины этого срока, они вдруг начинают выдрючиваться, потому что им становится тоскливо жить в своем теле. Папа! Это их проблемы. Почему ты должен их решать? Тебе мало, что выгнали из университета? Что у меня нет подруг, что к нам не ходят гости, друзья, потому что их у нас нету! А нанять слуг мы не можем, потому что они бояться, что после нашего дома их никуда больше не примут на работу! – она уже расплилась и говорила негромко, но очень яростно, а в глазах заблестели слезы. – Ты не должен вмешиваться в природу, в Божье уложение, родился гендер мужчиной, пускай и живет мужчиной... а то капризы... скучно ему, видишь ли, быть мужчиной... Как же я ненавижу этих манерных, ломучих, капризных гендеров!

– Ты не права, дочь. Это люди, немного другие, но люди! И это – болезнь...

– Нет, это придурь, папа, а не болезнь. Я устала слышать за своей спиной: «А кто это? Дочка лекаря Орзмунда, который пиписки гендерам отрезает?». Вот уже где мне все это! –

она провела ладонью по горлу. – Ты был лучшим врачом герцогства, я даже уверена, что в мире круче тебя нету, а теперь ты всего-лишь «пиписьки отрезаешь».

– Это не так, ты же понимаешь! Это пересуды дилетантов! Дураков и бездарей, которые не способны осознать всю сложность моих методик! – разозлился Орзмунд. – Операции, которые я делаю, – уникальны, это не просто член отрезать или грудь, нужно перенастроить всю систему организма на женский или мужской тип. Ты же знаешь это лучше чем кто-либо!

– Знаю, но ничего никому объяснить не могу! Я не хочу объяснять! И не хочу все время оправдываться! – Атрелла соскочила с кресла. Лицо ее покраснело, – Я хочу, чтоб мой отец действительно спасал больных, а не перекраивал капризных уродов. Я хочу гордиться отцом, а не стыдиться его. Я их видеть больше не могу. Эти длинные морщинистые противные хари, их уши, которые они не знают, как вытянуть и завернуть, колечки эти, татуировки, волосы, крашенные во все цвета радуги... Меня уже тошнит от одного их вида! И я тебе сейчас твердо говорю: или ты ему откажешь, или я уйду из дома. Прямо сейчас! Я... – она задохнулась, – я поменяю имя, фамилию. Чтобы никто никогда не смеялся надо мной!

От этих слов Витунг замер. Скандал этот был уже не первым... Несколько мгновений он молча изучал дочь, потом, решив, что не стоит уделять внимание словам Атреллы, махнул рукой:

– Не глупи. Куда ты пойдешь? Февраль на улице. Ночь! Сама говоришь, ни друзей, ни подруг... – он подошел ближе: – Послушай, обещаю, что этот будет последним. Сделаем все красиво. Отпустим и сообщим, чтоб больше никого не присылали. Хорошо? Мы же собирались поехать на материк, смотреть затмение Лита. Уникальное явление.

– Последним уже был прошлый, я все поняла, – Атрелла решительно достала из шкафа дорожную кожаную сумку, кинула туда белье, теплые штаны, свитер крупной вязки из некрашенной овечьей шерсти, туда же сунула недочитанную книгу.

Она, не шутя, собиралась уйти.

Отец молча наблюдал за сборами, все еще не веря в решимость дочери.

– А солнечное затмение... не самое важное явление в жизни, папа. Мне важнее, чтобы мой отец был уважаемым человеком, а не мишенью для насмешек и героем карикатур в городских газетах. – продолжала яростно Атрелла.

– Ну, пожалуйста, Трелька... не делай глупости. Ты ж еще маленькая. Ну, куда ты пойдешь?

– Не твоё дело. Мне уже семнадцать, по гендерскому исчислению мне сто семьдесят, – она дунула вверх, сметая с разгоряченного лба налипшие волосы. – Этот разговор, папа, у нас уже не первый... – дочь снова провела рукой по горлу. – На-до-е-ло!

Она сгребла в сумку косметику, достала из заначки мешочек с литами, золотыми монетами заработанными летом на практике в портовом госпитале. Потом принялась, тужась и краснея, натягивать на шерстяной носок кожаные зимние сапоги на толстой подошве.

Отец понял, что Атрелла уже не свернет с выбранного пути. Он развел руками:

– Ну, погоди... помоги мне с этим, ты ж знаешь, что без помощи ассистента, я один не справлюсь.

– И не подумаю! Ищи себе помощника сам, плати ему... а я, – она накинула меховой плащ с капюшоном, перепоясалась плетеным ремешком, – Надобы у тебя взять мою долю за все проведенные операции, как поступили бы нереиты, но я не стану. Пусть деньги тебе останутся. А я вернусь, когда узнаю, что ты работаешь в госпитале нормальным врачом.

Атрелла вытащила из шкафа посох черного дерева, инкрустированный серебром, подарок ей, оставленный несколько лет назад старым другом отца – епископом Анколиме. На набалдашнике посоха читался иероглиф: «Дорогу осилит идущий». Посох был легкий, но очень крепкий, может пригодится в дороге.

Витунг вышел в прихожую, задумчиво грызя нижнюю губу, остановился у входной двери. Внутренняя борьба на его круглом лице почти не отражалась. Отказать гендеру он не мог и не хотел, терять дочь – тоже. Он надеялся, что ее подростковый порыв, каприз исчезнут, как только она выйдет в февральский метельный вечер. Лучше выждать, чем топтать ногами и кричать: «Не пушу!» и тем самым только усиливать ссору и разногласие. Сейчас еще есть шанс помириться. Она ему нужна. Как помощница. Пусть идет – замерзнет и вернется. У дочери редкий дар – способности лекаря высшего уровня. Пропасть она не пропадет, но кто ее возьмет без диплома и лицензии? Она обязательно вернется. Может быть, придется подождать. Немного. День или два. Все равно, операцию сразу не начнешь. Нужно время на подготовку.

Орзмунда удручал только один факт, что нет у него никого, кто мог бы проследить за дочерью, докладывать о ней и в случае беды – защитить. Нанять частного сыщика времени не оставалось, а если она не вернется через час или два, найти ее будет очень непросто. Оставалось ждать и молиться.

Атрелла перекинула через плечо сумку и повертела посох в руках, раздумывая, брать ли его. Вещь дорогая, а значит соблазн для воров. Она не спешила, давая отцу убедиться в твердости ее намерений, подошла к двери, обернулась.

– Ну, прощай, папа, – резко дернула ручку засова, и этот лязг запомнился Витунгу вместе со словами дочери: – Может, еще и увидимся. Как устройсь – напишу. За меня не волнуйся. Не пропаду!

– Подожди! – Орзмунд бросился следом, но распахнувшаяся дверь под ударом ветра захлопнулась, больно ударив по лицу. Он схватился за нос. Между пальцев брызнула кровь. Лекарь зажал крылья носа, кровь потекла по руке и капнула на пол. Витунг вышел во двор, двумя руками собрал с перил в ладони горсть колючего снега и приложил к лицу. Кровь мгновенно остановилась.

В метели уличные столбы светились желтыми пятнами, и белое крошево замечало маленькие следы.

Он постоял пару минут, не пытаясь догнать дочь, и вернулся в дом. По лицу его катились капли – таял снег, или это были слезы? Он не мог бы ответить честно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой Атреллу пытаются обокрасть два фардва-гастролера.

Атрелла действительно ушла из дома, не имея цели. Это был юношеский протест. И она сперва хотела просто уйти, дальше мысли не шли... уйти и все... и идти, идти... пока папа не прибежит и не скажет:

– Я выгнал этого гендера. Пойдем домой! Я все понял, и больше не буду делать эти операции!

Но он не догонял, а пустынная улица вела к городской площади. Девушка не спешила, но и не оглядывалась. Она шла с гордо поднятой головой, чтобы злые слезы не катились по щекам. Ветер задувал в отвороты капюшона зимнего плаща, и она никак не могла услышать, что происходит сзади. Периодически ей казалось, что раздаются скрипучие торопливые шаги, тогда она приостанавливалась, но никто не догонял, и она шла дальше.

Так ноги ее привели к центральной площади, богато уставленной светящимися столбами.

Выйдя на городскую площадь, Атрелла увидела зеленый и красный фонарики между городного парового перевозчика до Ганевбла – домик на колесах. Решение возникло момен-

тально. Она должна уехать! Куда? Да хоть куда! Раз папа не догонял ее, значит, она должна убежать как можно дальше. Пусть поищет!

На борту паровика значилось «Грăзид-Ганевол». На крыше большая надпись «Бурдун и Грамилин. ТК»

Междугородние перевозки компании Бурдун и Грамилин, чего не ясного?

Она постучала в водительскую дверь. Поднялась форточка, и высунулась бородатая молодая физиономия:

– Куда ты, на ночь глядя?

– Дяденька, мне в Ганевол, места есть?

– Есть, есть, тетенька! Если деньги есть! – весело ответил рыжий. – Иди с той стороны, скоро отправляемся.

– А сколько до Ганевола? А я не тетенька, – растерялась девушка.

– Один рыжий! – ответил бородатый водитель, – так и я не дяденька! – и, рассмеявшись, закрыл форточку.

Один лит. Это много. Атрелла пересчитала содержимое кошелька – тринадцать литов. Один сейчас – останется двенадцать. А в Ганеволе еще гостиницу нужно найти. И все-таки она зажала в пальцах монетку.

В повозке-домике пассажирский – второй этаж. На первом расположены паровая машина и кабина управления. Тут же можно налить кипятка, чтобы заварить сухофрукты или травяной настой. Кран торчит прямо из стенки машинного отделения. Атрелла отдала монету и поднялась в пассажирское отделение. На лавках, лицом по ходу движения, сидели три человека и два фардва. Рыжий водитель поднялся следом за девушкой, пересчитал пассажиров и сказал весело:

– Ты – шестая! Счастлиное число, слава Безутешной! Едем!

Все нэреиты обожают четные числа, круги и квадраты. А золотое сечение считают чудодейственным магическо-математическим сочетанием цифр. У них вся архитектура подчинена золотому сечению. Вот и сейчас машинист паровика обрадовался, увидав, что новая пассажирка шестая, впрочем, он бы радовался и восьмой и десятой еще больше. Простию, потому что это на два лита больше. Деньги нэреиты ценят выше золотого сечения.

– А долго до Ганевола? – спросила Атрелла. Ее нисколько не смутило поминание всеу богини Нэре, жены и противницы светлого бога Лита. Все люди в мире делятся на приверженцев или Ее или Его, есть еще и те, которые поклоняются разным стихиям и их духам, но это совсем дикие племена, живущие в густых джунглях или где-то на островах.

– Часа три-четыре, если метель не кончится. – Обернулся рыжий, – к полуночи будем в городе.

Дорогу заметает снег, а теплые камни, которыми выстлана дорога, не успевают его растопить.

Только сейчас она рассмотрела водителя: было ему тоже лет семнадцать, может, чуть больше, а по ранней растительности на лице, выкаченным синим глазам, недостаточно короткой шее и невысокому росту, но чуть побольше полутора метров, Атрелла безошибочно определила в нем фардва-полукровку.

Дом-повозка был последним словом технической мысли. И хотя он, как и его предшественники, работал на перегретом пару – в отличие от прежних, в этом суперсовременном, воду грели не маги и не угольный котел, а недавно открытый минерал орибн, способный нагреваться до пятисот градусов, если его чистая масса достигала полутора килограммов.

Атрелла деталей всего этого не знала, просто однажды папа прочитал в вечерней газете, что теперь найдена достойная замена углю и магам-тепловикам – орион. Те маги, что работали на транспорте, пытались возражать, спорить, но правительство стояло на своем – магию в стране нужно свести к необходимому минимуму. Многие волшебники уехали в другие страны,

туда, где их не ущемляли, либо ушли служить в армию. Войска – единственное место, где им были рады.

В салоне тепло, потому что печка грела не только поршни двигателя, но и внутренние помещения. Атрелла устроилась на лавочке недалеко от лестницы, привалилась плечиком к окошку и стала ждать, когда, наконец, начнется путешествие. Рыжий водитель копошился на первом этаже, сопел, пыхтел, чем-то стучал, но вот хлопнула дверь, и послышался второй голос – видимо, напарник пришел. Из недр дома-повозки донеслось равномерное чуханье, шипение, и огромная машина, задрожав, покатила по каменистой, припорошенной снегом дороге.

Дорога вела на юг. Атрелла думала: «Что делает отец? Почему он не побежал за ней? Впрочем, она теперь была уверена, что он не побежал, потому что упрямый. Он тоже разозлился. Его не понимают! Он же гений! А его не понимают! – у Атреллы от обиды защемило в глазах и снова выступили злые слезы, – Наверняка отец сейчас или разговаривает с гендером... – нашел себе достойного собеседника, понимающего гения Орзмунда! Или нет, пошел, наверное, к бывшему своему помощнику – ассистенту из госпиталя – Гедерину. Хотя вряд ли, если отец и пойдет, то не на ночь глядя. Спать ляжет? Тоже вряд ли. Будет ходить по комнате и злиться. Может быть под утро приляжет, потом будет долго молиться и просить прощения у Лита за вспышку раздражения. Врач должен начинать лечение в ровном состоянии духа. И его ассистент должен быть спокоен и уверен. А нет лучшего способа для приведения в равновесие душевного состояния, чем молитва. В одиночку отец не решится делать операцию. Обязательно нужен ассистент, который усыпит бы пациента и контролировал работу сердца и легких оперируемого. Атрелла с этой работой справлялась неплохо. Сон нужен не для обезболивания, а чтобы пациент разговорами и лишними движениями не мешал врачу. Все-таки отчасти отец прав, пол сменить гендеру это не бородавку срезать и не увеличить грудь моднице или половые принадлежности ловеласу, это полная переделка организма, от скелета частично, до половой сферы. Неизменным остается лишь мозг.

Атрелла всегда любовалась работой отца, несмотря на то, что последний год на его столе лежали одни лишь ломучие гендеры – работой виртуоза невозможно не любоваться. Руки лекаря – его инструмент. От кончиков аккуратных, закругленных и чуть заточенных ногтей до локтя. Каждое движение выверено и завершено. Когда профессор приступал к осмотру пациента, со стороны казалось, что он все пространство, включая тело больного, разметил на мельчайшие частицы и видел каждую и чувствовал. И это было так.

Вот он проводит кончиками пальцев от вершины лба пациента до промежности, мысленно обозначая срединную линию. Кожа под пальцами чуть приподнимается, липнет, будто притягиваемая невидимой силой – это отец настраивается на организм пациента, изучает его, определяет места, где может прятаться болезнь. Этот процесс недолог. Пациент еще не спит, он смотрит в потолок и отвечает на вопросы отца. Они общаются и даже шутят, но профессор предельно сосредоточен.

Особенностью методики профессора Орзмунда было то, что он, не как обычный лекарь, обнаружив проблему в организме, посылал мысленный импульс на ее исправление или, как поступали большинство лекарей низких рангов. Они читали молитву Литу: «Исправь, исцели по своему разумению» и бог что-то исправлял или не исправлял, если не считал нужным. Потом лекарь объяснял: «как Лит решил, так и будет». Только почему-то одних лекарей Лит слушал лучше, других хуже, собственно этот авторитет лекаря перед богом и позволял определить его ранг. О чем Атрелла никогда не задумывалась, почему ее Лит слушал всегда и всегда выполнял ее просьбы? Впрочем, как и ее отца. Он-то имел высший ранг, потому и стал профессором в двадцать два года.

Профессор же никогда не говорил, что он «сам как бог», но он не просил, а брал организм здоровый и переделывал, как просил заказчик. Поэтому лечащим импульсом или молитвой тут не обойтись. Витунг Орзмунд подключался к системам и начинал их перенастройку, направ-

ляя активные вещества в органы и ткани, изменяя их работу, форму, размеры, он «видел» организм изнутри, прекрасно зная его строение. Атрелла обычно стояла у головы пациента и, приложив пальцы левой руки к виску, а правой – к груди, следила за тем, чтоб пациент спал, но при этом не прекращал дышать, и чтобы сердце его билось и легкие функционировали. Она чувствовала, внутренним зрением «видела», как отец работает, как, повинувшись его мысленным командам-образам, зарождаются в костном мозге молодые универсальные клетки и отправляются в органы, где в спешном порядке заменяют ненужные старые ткани. При этом, если отец формировал организм противоположного пола, новые ткани были закладкой новых органов.

Каждая операция длилась по четыре-пять часов. А каждый гендер переносил по четыре операции и проводил в доме не меньше двух недель. Ведь после каждого вмешательства нужно было дать время организму измениться и подготовиться к новым «исправлениям». Атрелла никогда не спрашивала, сколько отец запрашивал за каждую операцию, с ним рассчитывались через банк, но, судя по тому, что он купил новый дом на окраине Гразида и жили они безбедно – платили помногу. А если Гедерин ему откажет? Может такое быть? Вполне... тогда отцу придется... нет, он, наверное, сразу предложит помощнику хорошие деньги за ассистирование. Ну и ладно! И пускай! А она помогала совершенно бескорыстно. Ей вообще очень нравилось лечить. Просто так. Не за что-то, а потому что очень приятно больных делать здоровыми.

Атрелла действительно ощущала процесс выздоровления как какое-то свечение организма, которое возникало, если болезнь исчезала под ее руками.

Она провела правой ладонью перед лицом и принялась рассматривать ее. Талант отца передался ей. Это понятно. Так бывало не со всеми, но вполне естественно, когда дети наследовали способности родителей. Во всяком случае, она могла также много, как отец. Не все понимала, но ощущала в себе силу исцеления. Умение хорошее, знаний вот маловато и опыта. В детстве она замечала что, ссадины и ранки у товарищей по уличным играм заживали от ее простого прикосновения. И это никого не удивляло. Неплохие лекари рождались и в тех семьях, где не было никаких предпосылок для этого. И не считалось чем-то чудесным, если годовалого младенца водили босыми ножками по больной пояснице дедушки или бабушки и боли проходили. Таких «целителей» можно было встретить в каждой деревне десятки.

В салоне тарантаса тускло светили молочные шары, отчего свет был белым, неживым. Атрелла рассматривала руку, пальцы, ногти. Повинуясь ее желанию, ладонь становилась полупрозрачной, видны были сосуды, мышцы, косточки. По сравнению с отцовской рукой, широкой как лопата – ее ладонь тонкая, пальцы длинные, но не такие, как у гендеров – паучьи, а просто изящная девичья рука.

Руки лекаря могут преодолевать любые живые ткани, если только это не железо или камень, провести руку можно через одежду и даже через тонкий слой дерева. Главное – это почувствовать вибрацию ткани. У живых вибрации особенные, у неживой ткани дерева или материи одежды – вибрация отличается, но особых проблем с проникновением нет. Вот только целиком через деревянную стену не пройти, нужно раздеваться догола. Атрелла слыхала, что некоторые лекари могут полностью погружаться в растущее дерево. Вот только выходил ли такой лекарь обратно? Способности осознанно чувствовать организм, как и способности волшебников обычно проявляются у детей лет с четырех – пяти, и достигают максимума к одиннадцати – двенадцати. И тут как кому повезет. Чем больше систем одновременно может ощущать и контролировать лекарь, тем выше его ранг. Большинство целителей ограничивается двумя, самыми простыми, десятки – тремя, и только единицы могут сразу держать под контролем все системы. Лекари первого и второго рангов могут заживить несложные раны и снять боль. Третьего и четвертого ранга – способны собрать переломанного человека и при этом избавить от боли, но им не хватает сил довести пострадавшего до полного исцеления даже за один день, потому оставляют человека в госпитале и каждый день доводят его здоровье до кондиции, были бы у того деньги. Пятого и шестого рангов – специалисты наиболее востребованные в

госпиталях, выполняют сложнейшие операции и лечат тяжелые болезни, вроде раковых опухолей. Конечно, для этого еще нужно много учиться. Одной чувствительности и интуиции мало. Работа лекаря отнимает немало сил, поэтому нужно хорошо питаться. А чтобы хорошо питаться, нужно обязательно работать за деньги. Это – закон. Всякий труд должен оплачиваться. И звучит однозначно: «Всякая работа должна быть оплачена и с дохода выплачен налог в государственную казну». Бесплатно работают только дурачки, безумцы или преступники – враги государства. Правда, иногда очень хочется всем помочь и всех вылечить. Прямо до зуда в ладошках. Но такая работа не накормит. К тому же и закон запрещает. Папа говорит, что бесплатно можно помогать только друзьям и родственникам или в долг. А если чужие просят, то нужно обязательно за плату или под расписку. А то от благотворительности недолго и с голодухи ноги протянуть. Ведь кормить бесплатно точно никто не станет, кроме монастыря Лита. При этих богадельнях всегда есть благотворительные харчевни для нищих, но и там дают еду, если поработаешь на уборке или уходе за больными.

Будто бы в ответ на эти мысли, с передних сидений потянуло съестными запахами. Дорога всегда пробуждает аппетит, и запасливые путники обязательно берут с собой чего-нибудь перекусить.

Девушка вдруг вспомнила, что ела давно, ужинали еще до шести вечера, а в гневе на отца забыла положить в сумку хоть что-нибудь из еды. Она ведь не собиралась уходить из дома, все произошло само собой. Атрелла сунула руку в сумку, зная, что не найдет там ничего съестного. Это было подсознательно, а вдруг, где-то в уголке за подкладкой завалялся сухарик или конфетка? Желудок наполнился соком и, переминая в складках слизистой активную кислоту, удивлялся отсутствию еды. Нужно было срочно что-то делать. Но что?

Можно сходить вниз, к машинистам. Те знают, что среди пассажиров почти всегда найдется голодный и берут с собой свертки со снедью, на продажу. Только цены задирают раз в десять. Но это их право. Не хочешь – не бери и сиди голодный. Атрелла представила, что этот рыжий запросит за пару бутербродов и бутылочку компота из сушеных ягод еще один лит, и голод немного уменьшится.

Она принялась глубоко, но не шумно дышать. Кислород прихлынул к мозгу, голова закружилась, сигнализируя, что еще чуть-чуть, и произойдет потеря сознания. Атрелла не купилась на этот обман: она хорошо знала, что сознание померкнет еще не скоро, и есть время накачать кислород в ткани. Легкое покалывание и подергивание в мышцах сообщило, что активизировались ферменты, расщепляющие жир. Теперь нужно было перехватить образовавшийся избыток жиров в крови, не дать бесцельно сгореть, а сперва, перекачать через печень и превратить в сахар. Часть энергии, полученной из жира, пошла на синтез глюкозы, однако печени этот сахар был не нужен, у нее был полон запас гликогена – животного крахмала. И поднявшийся уровень глюкозы в крови уменьшил чувство голода. Желудок немного успокоился, но появилось легкое жжение в мышцах и коже. От недорасщепленного жира в крови остались обломки – молекулы кетонов, они еще больше снизили аппетит и вызвали чувство легкого опьянения. После такой процедуры организм требовал покоя.

Атрелла не заметила, как задремала. Очнулась она от того, что задержался пояс на талии. Стараясь не шевелиться, она сделала веки прозрачными.

Один из фардвов, ранее сидевший на передней лавке, стоял рядом и копошился в сумке Атреллы.

Стараясь не показать вору свое пробуждение, она, тихонько сложив правую ладонь в форме копыя, быстрым движением, прямо через одежду воткнула руку в грудь фардва.

И вот уже горячее сердце бьется в ее ладони.

Воришка не ожидал такого решительно противодействия. Как не ожидал, что спящая девка окажется лекарем. От страха он чуть не потерял сознание, инстинктивно отшатнувшись.

Атрелла немного сжала его сердце пальцами, и вор застыл, почувствовав, приблизившуюся смерть. Он не вспомнил, что лекари-литарии не убивают. Как только девушка ослабила хватку, он снова попытался отскочить, но Атрелла уже послала в позвоночник парализующий импульс, и ноги фардва приросли к полу.

– Отпусти, – одними губами просипел неудачник, – я ничего не взял.

Он понял, что крепко влип. До сих пор обворовывать лекарей ему не приходилось. Воровское братство официально не запрещало этого, лох он везде лох,

Страх его Атрелла чувствовала и не могла понять, нравится ей это или ей или все-таки больше жаль вора-неудачника.

Но она вспомнила, что все воры – нереиты, а она литарийка и жалеть преступника – значит согрешить не только пред своим Богом, но и перед его безутешной супругой, которая не признает жалости и доброты, считая их тяжкими грехами. Тут мнения богов сошлись.

– Так я тебе и поверила, – вполголоса сказала Атрелла и придав твердости голосу приналась уверенно врать, – у меня в сумке лежало пятьдесят литов, а сколько осталось?

– Врешь! – засипел фардв, и Атрелла снова чуть чуть прижала его сердце пальцами.

Фардв посинел и чуть не свалился в обморок.

– Хорошо, хорошо, пятьдесят!

– Ну, так клади их на место.

– У меня нет, – сипел воришка, – я должен брата позвать...

– Вот еще, – шепотом сказала Атрелла. – Это я сейчас позову на помощь, и вас выгонят из дилижанса в метель... если к утру до жилья доберетесь и не замерзнете – ваше счастье!

Она немного разблокировала позвоночник фардву, чтобы тот мог пошевелить руками.

Дорога была весьма неровной, поэтому каждый толчок от катков по брусчатке вызывал у фардва сердечный приступ. Он слазил в бездонный карман и положил в сумку девушки свой кошель.

– Отпусти! Вот все, что есть, – тридцать четыре лита, семьдесят нюфов.

Атрелла же не спешила. Она другой рукой, прикоснувшись к голове воришки, прочитала состояние его организма, подлечила парой импульсов хронический простатит фардва, видимо следствие неумеренных половых радостей, чуть расширила артерии в малом тазу, разбила пару камушков в почках. А еще она обнаружила, что фардв недавно поел.

Голод снова напомнил о себе, и девушка перевела в свою кровь часть уже расщепленных переваренных продуктов из крови фардва, решив, что ему и половины хватит, а ей нужно восстановить затраченную на лечение энергию – и только после этого убрала руку из его груди. Жаль, что в тарантасе не окажилось ни одного гендера, чтобы зафиксировать сделку. Впрочем, это тоже нельзя, она должна была бы назвать себя и номер лицензии. А ее-то и нету!

– Свободен, дурень, деньги возьми, потому что простату восстановила. Сердце слабенькое, видать, с малых лет воровством промышляешь, а не трудом горняка?

Фардв успокоился. Он заблестел глазками:

– А ты ничего, бедовая девка! Если б знал, что ты лекарка, не сунулся бы.

– Если бы у бабушки, – вспомнила Атрелла любимую папину поговорку, но заканчивать не стала, она неприличная, вместе этого перевела тему. – Ты из Ганевола?

– Нет, – фардв сел на лавку рядом с девушкой. – Мы с братом из Рипена, город Блавна, слышала?

Атрелла покачала головой, а зачем они тогда ездили в Гразид? Ей сразу не пришло в голову, что на самом деле братья обычные транспортные воры. И болезнь – отговорка.

– Нет. Не слышала. Я местная, и никуда еще из города не выезжала.

– А сейчас куда? – любопытству фардва не было предела.

Атрелла хотела было пооткровенничать, но вдруг вспомнила, что рядом с ней вор и мошенник, и достала из-за пазухи золотой круглый медальон Гразидской портовой больницы

с надписью: «Младший лекарь округа Гразид». Медальон ей выдали для свободного прохода мимо охраны во время летней практики. А она после увольнения оставила себе золотой кружок как украшение.

– Еду по делам в Ганевол, вызвали к больному, – продолжала врать девушка.

– Че, у них там своих лекарей нет?

– Значит, нет. – Атрелле наскучил разговор. – Иди к брату, и если замечу, что шарите по сумкам у пассажиров – пеняйте на себя.

Фардв кивнул и поплелся в головной конец салона.

Чувство голода у девушки прошло. Она внимательно смотрела на передние сиденья.

Фардвы шебуршились, разговаривали негромко, но очень живо, воришка-неудачник получил пару раз по круглой башке увесистым кулаком. Потом братец встал и пошел к Атрелле. Она ждала, не спуская с него глаз. Братец сел напротив.

– Слышь, лекарка, рыжѣ верни.

– Я вас не понимаю, – холодно произнесла девушка. – Говорите нормальным языком.

– Я тебе щас скажу, газель! Ты брата лечила?

– С какой это стати? Ничего я не делала.

– Он говорит, будто ты его уговорила полечиться и содрала с него тридцать рыжих, – фардв смотрел на Атреллу, выпучив голубые глазки, – а лицензия у тебя есть? На практику? Молода ты больно... сейчас приедем, вызову бебешников, пусть оена с тобой разбираются!

От слова «бебешники» у Атреллы ослабели ноги. Служба «безопасность безутешной» занималась всему случаям различной благотворительности и бескорыстия. Особенно они любят лекарей. Лекарей, которые лечат и денег не просят. Лекарей, которые не имеют лицензии.

– Да с чего вы взяли? Ничего я ему не делала, это он хотел меня обокрасть!

– Не трюнди, мы бедные, но честные фардвы, я везу брата в Ганевол лечиться от простатита, у нас направление есть от лекарей из Блавны, а ты людей без заработка оставила... Знаешь, что за это бывает?

– Что я? – Атрелла поняла, что вляпалась, практика без лицензии – серьезное преступление, могут так наказать, мало не покажется. Но как они докажут?

Фардв полез за пазуху и сунул Атрелле свиток – выписку из Блавенской больницы, там на медицинском языке ясно читался «хр. простатит».

– Скоро мы приедем, я покажу брата лекарям, и что они скажут? Слы, деффка, тебе нужны неприятности? Верни рыжѣ, и разбежимся.

Атрелла кинула фардву на колени кошель его брата.

– Он сам мне подложил, – улыбнулась она, – не мое это. А брата твоего я не лечила. Запомни.

Фардв уставился на Атреллу рачьими глазками, не моргая. Видимо, думал, что б еще с нее содрать. Раз ему удалось вернуть потерянное, надо доить глупую девчонку, она сейчас пойдет на все, лишь бы от нее отстали! Победа в споре его вдохновила на продолжение «обирания» лекарки-нелегалки. Но тут пришел младший фардв-воришка и расстегнул штаны, показав огромный «сук».

У Атреллы глаза на лоб полезли.

– Что вы делаете?! – она, конечно, всякого навидалась в больнице летом, но вот что бы так беспардонно демонстрировали неприличное!

Однако исцеленный братец на ее вопрос не отреагировал. Он возбужденно тыкал пальцем в торчащий орган и восхищенно говорил:

– Вага, глянь!! Это ж чудо! Я и не мечтал! Все птички мои! Сами слетятся!

Братец Вага ревниво поглядел на гордость любого фардва и спросил Атреллу:

– А если я тебе отдам все рыжѣ – мне такой сделаешь?

– Да ну вас! – она поняла, что этот эффект – результат расширения артерий. – У меня лицензии нет! Штаны застегните! Хватит уже тут размахивать! Вы людей пугаете!

– Ты это, не гоношись, я пошутил насчет лицензии, – сказал братец фардв. – Мы не в претензии, я могу доплатить, если тебе мало.

Фардв-воришка спрятал свою гордость и застегнул маленькие пуговицы на гульфике.

– Как тебя, лекарка, ты с нами по-людски, и мы по-человечески, мы все понимаем, брат погорячился, был не прав, – уважительно сказал он.

– Да прав твой брат, – наивно призналась Атрелла, снова забыв, как легко используют мошенники любую слабость доверчивых собеседников, – нет у меня лицензии, только учиться еду. Отвалите, господа. Инцидент исчерпан.

Она уже жалела, что вообще вмешалась в проблемы воришки. Правду говорят, не делай добра – не будет и зла. Но не возвращать же ему теперь простатит? Тем более, она не знала, как это можно сделать?

Неисцеленный фардв с выражением влюбленной собаки на круглом лице, положил на ее колени увесистый кошель, перепутешествовавший к девушке уже второй раз, и достал из кармана еще один.

– Вот еще сорок рыжих, сделай, я ж не бесплатно, – фардв, видимо, был все-таки свой, рипенский, да и нереит, раз воришка. Среди литариев воров нет.

– С какой стати? Идите к лекарям! – Атрелла попыталась избавиться от кошель. Фардвы ж не удержатся и развонят по всему миру, что какая-то девушка-недоучка им сделала такие агрегаты... нет уж. Но фардв обеими руками прижимал мешочки с деньгами к ее коленям.

– Да ты... – фардв видимо хотел сказать, что такая работа стоит не одну сотню литов – рыжих, но осекся. – Мы никому, клянемся. Мы ж имени твоего даже не знаем. И не спрашиваем. И забудем все.

«А вот это хорошая идея!» – подумала лекарка, – как это мне самой в голову не пришло.

Лицо Атреллы приняло выражение холодной решимости. Она посмотрела на фардва-воришку: – Садись рядом с братом!

Тот послушно сел и сложил руки.

Она, действуя обеими руками, кончиками пальцев прикоснулась ко лбам фардвов, и те мгновенно погрузились в сон, затем пролетела по участкам их быстрой памяти, удаляя все свои образы и впечатления. Тут же послала брату импульс на расширение артерий в малом тазу. И, запустив мозги фардвов на легкий сон и пробуждение, переложила кошель им на колени, а сама пересела на другую лавку, так, чтобы видеть мошенников, но они ее не видели.

Теперь братцы проснутся и ничего не будут помнить. И единственный вопрос их озадачит – как они тут оказались, если в начале поездки занимали передние места?

За спорами-разговорами время пролетело. Через лобовые окна салона в снежном мареве виднелись городские огни – Ганевол! Атрелла чуть повернула голову. Фардвы пришли в себя и удивленно рассматривали кошель на коленях. Оглядывались, спрашивали друг друга – что они забыли в хвосте дилижанса и почему сидят спиной к движению? Ответов у них не находилось, об Атрелле они не вспоминали, ибо нечего было вспоминать. Пассажиры-люди спали и ничего происходившего не слышали и не видели.

Дилижанс покатился по городским улицам. Атрелла взяла сумку, спустилась по лестнице и постучала в отсек водителей. Из двери высунулась все та же бородато-рыжая физиономия.

– Чего те? Скоро приедем.

– Да я понимаю, подскажите мне недорогую гостиницу, до утра... – она невольно перешла на стиль фардвов, – перекантоваться.

– Я не справочная, – грубовато ответил рыжий.

Он хотел уже закрыть дверь, но Атрелла умоляюще поглядела на него:

– Вам что, трудно? Я же не местная.

Рыжий полукровка, по видимому, был не конченный нэреит, как говаривал папа Витунг про тех, кто бесплатно пальца о палец не ударят в ответ на просьбу, смягчился:

– Ладно. Дилижанс остановится на портовой площади. В те гостиницы, что выходят на нее, не суйся – обдерут. Иди на улицу Канатную, и там увидишь таверну «Баркас». Хозяина зовут Жабель Дохлый.

Атрелла удивилась, лицо приобрело жалобное выражение – это же подстава! Она так назовет хозяина, а он обидится и ее зарежет. Рыжий сжалился второй раз:

– Нет, это его кличка в порту, на самом деле его зовут Жаберин Дохолан. Скажешь, что ты от Ларика из клана Грамиллин, он меня знает. Ну, а дальше сама разберешься.

– Дорого у него?

– Вообще он скряга, комнату снять на ночь – везде два нюфа, он ломит четыре, если согласишься не торгуясь, может поселить в сущем отстойнике, потому бейся за каждую монету, он уважает бережливых.

Атрелла спросила, стараясь не выдать голосом тревоги:

– Он нэреит?

Ларик усмехнулся.

– Как все, нормальный дядька. В эту гостиницу всю жизнь вложил. Я его с детства знаю, клан Дохолан с нашим дружен с давних времен. А вообще там прилично – белье свежее, цветы в номерах.

Напарник в кабине рявкнул:

– Лар, харе трепаться! Подъезжаем!

Рыжий Ларик схватил Атреллу и потащил наверх, она не отбивалась. Он отпустил девушку, пихнул ее к лавкам.

– Господа пассажиры! Мы прибыли в город Ганевол! Начинаем торможение, приготовьтесь, упритесь ногами и руками, чтоб не разбить себе рожи!

Атрелла хихикнула:

– Лица!

– Это у вас – лицо, – сказал Ларик и пошел вниз, – а у них – рожи.

Комплимент, даже такой неуклюжий, оказал свое действие. Атрелла смутилась.

Торможение – долгий и не простой процесс! Сперва сбросили давление в котле, а когда уже оставались сотни метров, водители задействовали тормоза. Дилижанс скрипел, слышался запах горящего металла, машину потащило по брусчатке, отчего весь салон наполнился мерзким дребезгом, наконец, она остановилась. Пассажиры потянулись к выходу. Атрелла уже на площади снова подошла к Ларику. Портовая площадь хорошо освещалась, а вот улицы расходились темными провалами.

– И которая из них – Канатная?

Ларик показал направление:

– Туда, там рядом. По левой стороне – пятый дом. На вывеске парусная лодка. Не ошибься.

Погода в Ганеволле слякотная. Снег в безветрии мягко покрывал брусчатку, таял на зачарованных камнях и чвакал под ногами. Повсюду фонарные столбы светили молочно-белым светом. Атрелла пошла в указанном направлении, и тут ударил большой колокол. Ратушные часы отбили полночь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой орий Маркав Рэнд навещает старого приятеля и поднимает на дороге пыль.

В то самое время, когда решительная Атрелла подъезжала к порту Ганевол, далеко на юге по тому же меридиану на самом экваторе вершились темные дела.

Остров Орий с большой высоты похож формой на хищную морскую рыбу. Основное его население просыпалось с закатом.

Дневное светило – Лит, солнце обжигающее и дарящее жизнь, характерно для экватора, быстро зашло за горизонт, окрасив на несколько минут нежно-розовым светом край облаков.

В наглухо закрытых домах зеленых ориев начиналось движение: открывались плотные ставни, из труб потянулись белые дымки разжигаемых плит... население острова готовилось к завтраку и трудовой ночи.

В единственном крупном порту, где обитали только люди, жизнь, наоборот, затихала, загорались окошки канцелярии портовой охраны и таможни со складом – там, где шли прием-выдача грузов. Подчиняясь распорядку ориев, люди тоже приступали к ночной смене. Им предстояло выдавать прибывшие с материка грузы и загружать тяжеленные ящики с драгоценным орионом.

Людей на острове – единицы. И каждый на учете. Ории знают, если кого из людей вдруг не досчитаются – их ждут большие неприятности.

Люди не ории, ории не люди, у каждой общности свой график сна и бодрствования. На покрытом зеленью и горами острове почти двадцатитысячный народ ориев, по преимуществу мужчин, сотни лет занимался сельским хозяйством и последние пятьдесят лет – горными работками и добычей минерала под названием «орион».

Порт, носящий имя Ларин, был единственным, что связывало Орий с большим миром. Единственная накатанная дорога вела от порта через весь остров до рудника – огромного карьера в горах на юге, а вдоль нее тянулись поля карликовых древовидных папоротников с огромными сочными зелеными листьями, богатыми хлорофиллом. Вдоль дороги расположились фермы, а ближе к руднику – четыре больших поселка горняков.

На первый взгляд, все было тихо и благообразно – если бы не патрулировавшие побережье острова боевые корабли объединенной эскадры империи Эленсааров и республики Рипен.

Остров Орий гигантская резервация и тюрьма для ориев. Сюда свозят тех, кого поймают.

В сумерках над островом появился дирижабль. Опытный капитан воздушного судна на подлете уменьшил подачу горячего воздуха в оболочку, и дирижабль, пересекая полосу прибоя и прибрежных скал, принялся чиркать спущенным якорем по мясистым листьям папоротников, выдирая острыми растопыренными лапами клочья сочной зелени.

Наконец крюки вцепились в древесину, и началась посадка. Из гондолы вылетели гарпуны, вгрызаясь в каменистый грунт. Негромко прожужжали лебедки, прижимая к самой земле пассажирскую гондолу.

Раскрылся люк, и в тропическую ночь выпрыгнула высокая гибкая фигура, затянута в черную эластичную ткань. В темноте виднелось только бледное лицо. По движениям и пластике, по росту и цвету кожи лица можно было догадаться, что это орий. Он отошел от освещенного фонарем проема и хрипло сказал:

– Са мной не фосфращайтесь! Я сам уйту.

Из гондолы приглушенно отозвались:

– Слушаюсь, господин. Но как же вы отсюда выберетесь?

– Не фаше тело!

Черный орий захлопнул крышку люка и, проворчав: «Послала ш Нэре итиотов...», метнулся в темноту под развесистыми вершинами папоротников и растаял. На дирижабле принялись травить концы, поднимаясь. Один из пилотов отцепил якоря и на последнем лебедкой вернулся в гондолу.

Под брюхом воздушного корабля показался вымпел Рипена. Отлетев от острова на изрядное расстояние, дирижабль поднялся еще выше, поймал нужный воздушный поток и сменил

вымпел погранслужбы Рипена на флаг почтовой службы Регалата. Теперь, когда он отлетел уже достаточно далеко, чтобы никто на острове не услышал, его паровые машины заработали на полную мощность. Дирижабль уходил на Запад, в сторону континента Зилябра.

Из-за облаков вынырнула молочно-белая луна и уставилась мертвым глазом на остров.

Черный орий тем временем пробрался к дороге, под папоротниками облачился в костюм горнорабочего и, уже спокойно выйдя на брусчатку, дождался проходившего транспорта, что собирал рабочих. Он ловко вскочил на подножку проползавшего паровика и придал лицу скупающее выражение, как и у большинства голубокожих существ. Пассажиры не отреагировали. Кто зевал, кто читал флюоресцирующую газетку «Рабочий Орий». Новоприбывший обратил внимание на большой заголовок: «Найдены дневники Крина Хольста! Проблема ориев скоро будет решена!». На обороте газеты светилась статья: «Если ории станут людьми, кто сможет добывать орион?»

В глазах его промелькнула ярость. Он уже видел эту статью, она-то и заставила его прилететь на остров. Действовать нужно было очень быстро.

От рудника уже доносились взрывы, редкие, ухающие... потом наступала тишина... и опять раздавался грохот, масса серо-голубой породы поднималась в ночной воздух и оседала крошечным. Ории лопатами нагружали породу в вагонетки и на руках откатывали к желобу. Вагонетки одна за другой опрокидывались, порода скользила в жерло обогатительной фабрики... Оттуда день и ночь отвозили в порт тяжеленные ящики серого песка – ориона. Уже на материке материал спрессуют в тяжелые черные полусферы – тепловые элементы. Работа на острове физически настолько тяжела, что справиться с ней могут только мутанты-ории.

Черный орий с ненавистью глянул на равнодушную массу работяг: эти хоть сейчас готовы вернуть себе человеческий облик... Многие из них даже не успели толком повоевать. Их брали недоделанными, грузили в трюмы на корабли и отправляли сюда. Главное, они так и не узнали вкуса настоящей теплой пьянящей крови поверженного врага!

Соскочив с подножки транспорта, пришелец направился к зданию Управления горных разработок. Особая пластика его движений контрастировала с поведением массы работяг, да и выражение красных глаз, светящихся в огнях молочных фонарей, что стояли вдоль дорожек и вокруг площадки паровых машин перед зданиями, было иным: у него – «пылающий рубин», у остальных – «клубника со сливками».

Черный уверенно вошел в здание Управления и поднялся на второй этаж. Он увидел шедшего впереди ория. Тот распахнул дверь одного из кабинетов, шагнул... и черный вихрем проник туда следом за хозяином.

Начальник смены, не почуввав опасности, прошел к столу, потянулся и только тогда увидел незваного гостя. От неожиданности хозяин кабинета подпрыгнул, в глазах мелькнуло выражение, схожее со взглядом черного ория, но он быстро взял себя в руки и, не здороваясь, указал гостю на стул. Сам уселся на свое место и, проведя голубой ладонью по шару настольного фонаря, засветил его.

Мягкий молочный свет наполнил помещение. На столе лежала та же газета с сообщением о находке дневников.

– Сфет, это лишнее, – проворчал черный, – но касить не нато, рас уш сашёг.

– Сашем ты стесь, Рэнд? – нелюбезно спросил хозяин кабинета. Он напоминал гостя: такой же высокий, худощавый и абсолютно лысый, нежно-голубая кожа, синие губы, рубиновые зрачки в обрамлении голубых белков, прямой нос с небольшой горбинкой и впалые щеки. Несведущий мог бы принять собеседников за братьев – только тот, что прилетел на остров, двигался быстрее и увереннее, и мимика его была заметно богаче.

– Соскущился по тепе, – хищно улыбнулся гость, – феришь?

Хозяин еле заметно пожал плечами, несколько равнодушно ответил:

– Если скашу «ферю», ты ше не поферишь мне, я лучше промолщу. И... – он кивнул на газету, – смотри, што пишут!

– Франьё! Хольст – пешка... што он мок сснать о проекте? Фолшепники пытались нас опмануть...

– Фитишь ли, – сказал хозяин кабинета, – мешки ссчитают Хольста отной ис ключефых фикур ф нашей фойне и попете нат нами... Ты не сокласен?

– Мое мнение уше не имеет сснащения. Прошло мноко фремени, ты, наферное, фсе сапыл? Я топрашифал Хольста, он ничеко не снал о селъе опратного префращения.

– Я фсе помню. Но его тefка приняла етинственную тозу и опять стала щелофеком! – он помолчал, вспоминая события пятнадцати вековой давности, – Хотел пы сапыть, та не сапыфается... Если п ты не оттал прикаса статься лютям, мы п сейшас не раскофарифали. Шисснь, таше такая, лучше смерти. Ты снаешь, какими нас штут ф сарстфе Песутешной?

– Я – снаю, – мрачно ответил черный. – Там мы снофа люти. Нэре мы такими не нушны. Меня токта переикрали эленсары. Помнишь, как я хотел, чтопы хоть отин из них стал моим нащальником штапа?

– Сашем ты сейшас стесь? – повторил собеседник черного ория свой вопрос. – Фсе-таки ты сильно рискуешь...

– Песс прифкуса крофи шисснь кашется прессной, а, Сёрник? Ты-то уш сапыл, какофа она на фкус?

При этих словах орий, названный Серником, изменился в лице, в глазах появился хищный блеск, пальцы вцепились в край столешницы.

– Я нищефо не сапыфаю, как кентеры. Уше кофорил! Но если нато хлепать селёную пурту, я хлепаю и молщу в тряпоцку. Ты-то непось и фкуса папоротникофой похлепки не сснаешь. Укостить тепя?

– Та пропади ты пропатом с ней! – черный весь скривился, будто ему предложили что-то уж очень непотребное. – Терьмоеты, – сказал он и тут же пожалел. Чтоб перевести тему и сгладить напряженность обстановки, он вытащил из-за пазухи небольшой сверток, извлек из него черную блестящую пластину и отломил прямоугольную дольку.

– На, попропуй, – он ловко перебросил кусочек на стол, прямо под нос Сернику.

Тот прикоснулся к плитке, сжал в пальцах и поднес к лицу. Ноздри дрогнули, мелькнул черный язык. Серник снова понюхал кусочек:

– Она! Откута?

– От бархуда, – усмехнулся гость. – Растфори в теплой фоте и пей, этот кусок примерно на полофину щашки.

– Шутишь? – Серник откусил немного и теперь смаковал... – кофорят, что наши, кто уселел в Харанте фсех Хоко-Токо истрепили, питаются отними сопашками?

– Серьессно, бархужья крофь. Фысушена и расфасофана в прикеты. – Черный выложил на стол увесистый брикет, – я не слешу са популяцией монстроф в Харанте. Хоко-Токо лучше не слить...

Серник отложил кусочек, достал из стола термос с кипятком и сделал, как посоветовал черный.

– Снашит, ты решил меня растратить, кофарный.

Гость пропустил замечание мимо ушей и, пока хозяин размешивал багровую жижу в кружке и пил маленькими глотками, спросил:

– Храм Песутешной на острове еще есть?

Серник кивнул, не отрываясь от кружки.

– Это хорошо. А кто слушпы фетет?

Серник поставил на стол пустую кружку, облизнул верхнюю губу и ответил:

– Ты ефо снаешь – Хёлирт. Он рукополошил в шреца Нэре.

– А тафно ефо фсяли?

– Лет тритсать уше тут. Рипенский патруль фсял еко ф Харанте. Он орканисофал стесь храм, опшину, фсе законно, никаких присыфок к фосместию... Просит у Нэре милости тля фсех и терпения.

– Ммм... та, – только и произнес гость в задумчивости.

– Ну а ты кте?

Черный только помотал головой:

– Это лишнее. – Он поглядел на Серника: – Как себя шуфстфуешь?

Тот, вот только что сидел за столом – и уже стоял перед гостем. Движения его заметно изменились, и в глазах зажегся такой же рубиновый огонь, как у черного.

– Тафненько я не пил ее... Но ты феть не укощать меня припыл?

– Ну, пощему ше? – сказал гость и протянул Сернику весь брикет. – У меня к тепе телое претлошение.

– Я слушаю, – тот вернулся к столу, обнюхал пакет и произнес мечтательно: – А сапах!..

– Мне нушен орион.

От этих слов Серник не сел, а рухнул на стул:

– С ума сошел? Каштый крамм на ущите, кте я тепе фосьму?

– Ты тощно отупел от селёнофо терьма, Сер, ну напрямки моски... Я тепе орканисую постафки сушеной ши-ту, – орий использовал старинное слово, обозначающее кровь для жертвоприношений, – а ты, са щет тофо, что тфои рапотяки потымут фырапотку в ночь, всё, што наперется сферх плана, сакотофишь тля меня. Пока орион не прошел ущет, еко мошно пустить налефо.

– А если тело фскроется? Кто-нипуть стуканет мешкам?

– Та? – неподдельно удивился черный орий. – Это после тофо как ты их прикормишь ши-ту? Сомнефаюсь. Сснащит так, сатницу от стула оторфи и саймись орканисацией, я тфа раса ф нетелю путу тепе присылать ящики с питанием. Спрасыфать их путут с непа. Поэтому опретели тощно место – кута китать. И место, кте они саперут орион. Ты остроф сснаешь луцше меня, потыщи тощку ф корах. Пока мне нушно три ящика. Ты понял?

Серник уже только кивал. Гость закончил инструктаж. Он встал и направился к двери.

– Сколько тепе фоопще нушно ориона? – хрипло спросил Серник.

– Мноко, – черный орий развернулся у двери и повторил: – Мноко. Маки-тепловики «светятся», ты ше снаешь. А на орионе тиришаплъ нефитим. И хоть ши-ту я тепе путу присылать оцень мноко, не путь слишком щетрым... Та, фот што! Отфети меня к Хелу... Фот уш по кому я тейстфительно соскущился.

– Сейчас, – Серник спрятал подаренный сверток в сейф и повел гостя за собой. – Ты так сфопотно хотишь по острофу... феть ты ф росыске. А если кто усснает?

– Фы тут фсе спите на хоту, кто усснает? Щтопы усснаать, нато хотя пы класа от семли потнять и поклятеть на меня... Та, умело фас тут спеленали, как крутных тетей... – гость шел за Серником, в сторону от рудника. Наконец тот вышел на дорогу между плантациями и, указав направление, сказал:

– По прямой ити, слефа уфитишь пещеру. Фокрук фхота натпись – молитфа. Мешки понащалу пропофали сакрыть храм, но мы отстояли... такая переписка, пюократия... но расрешили.

– Это хорошо, – гость остановил уходящего Серника, – я у тепя еще пояфлюсь...

– Когда?

– Не фашно, кокта нушно путет. Ты, клафное, напери мне три ящика.

Гость качнулся в сторону и пропал, только взметнулись клубы пыли, указывая его движение по дорожке.

Серник понюхал пальцы, еще пахнувшие кровью.

– А што? Мошет, и фернем сепе пылую слафу тетей ноши... «Плакослофенна Нэре и топра к шатам сфоим», – произнес он начало орийской молитвы.

На дороге оседала пыль.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Атрелла опять лезет не в свое дело, бог Лит прощает ей грехи, а хозяин гостиницы «Баркас» расплачивается с ней по своему.

Хозяин гостиницы «Баркас» оказался совсем не толстым и бородавчатым, как подумалось сначала Атрелле (такой образ навяло прозвище Жабель Дохлый). Был он тощим седым дядькой с желтушно-землистой серой кожей и желтыми склерами глаз. В гостинице стоял еле заметный приторный запах тлена, будто в морге.

«Печень, точно, – подумала Атрелла, – а вот что у него с печенью, нужно разбираться». И сразу, как молоточек по темечку: «Лицензия!». Девушка заставила себя стать обычной постоялицей обычной гостиницы. Как и посоветовал Ларик, она сослалась на рыжего водителя дилижанса.

Жабель заломил четыре нюфа, Атрелла пожала плечами и сказала, что если это цена лучших апартаментов, то нормально, но сначала нужно посмотреть. Жабель сыграл бровями и спросил:

– А что же нужно юной госпоже в глухую ночь?

– Мне нужна комната с удобствами, чистое белье, и все это максимум за один нюф в сутки.

– Это цена какого-нибудь притона в трущобах на краю порта, а не приличного отеля, как мой «Баркас», – возразил Жабель, – я же вижу, что вы с ног валитесь. Уступлю номер за два, если снимете на неделю вперед.

Атрелла прикинула: четырнадцать нюфов, по одному за стол – еще семь, а сколько она проживет в Ганеволе? Кто б знал... а что она ищет? Сама себе на этот вопрос ответить не могла. Бегство из дома еще не казалось ей опасным предприятием, и все события, связанные с ней и вокруг нее выглядели словно само собой разумеющиеся и давно запланированные.

Она достала из сумки один лит:

– Хорошо. Добавьте трехразовое питание в номере, и по рукам.

Жабель улыбнулся. Девушка ему понравилась. Он протянул руку для скрепления договора. Атрелла протянула свою ладонь.

Как только их руки соприкоснулись, волна информации ударила ее прямо в темечко изнутри. Организм хозяина пылал от боли, которую испытывал Жабель. Но эта боль никак не отражалась на его лице, а юная лекарка ощутила ее как свою, диагноз родился сразу: опухоль уже заполнила живот, она была огромная, бесформенная и внутри нее что-то чвакало и бурлило, а белесые вонючие шары метастазов грызли печень... один из них опасно расположился рядом с крупной артерией. Еще несколько дней и все будет кончено. Атрелла побледнела, на лбу выступил пот.

– Вам нужно к лекарю, дяденька, – сказала она жалобно. Она попыталась извлечь руку из ладони Жабеля, а тот вдруг прищурился и спросил хрипло:

– Лекарка?

– Еще нет, дяденька, только учусь.

– Хорошо ж ты учишься, если одним касанием определила мою хворь. («А я ее от порога определила», – подумала Атрелла.) Был я у лекаря, говорит: поздно... дни мои сочтены. Осталось денег собрать да в храм Нэре отнести, чтоб уйти без боли и не мучаясь.

Юная лекарка знала, что жрецы Безутешной практикуют за огромные деньги безболезненный переход в царство Нэре безнадежных больных или вообще людей, желающих поскорее окончить земную жизнь. Человек ложится на алтарь, жрец читает молитву, человек исчезает. Все. Был и нету. Храму выгодно. А все что выгодно, по утверждению нэреитов – морально.

Жабель не выпускал руку Атреллы, потому что ощущаемая им боль, разделенная на двоих, уменьшилась. А уставшая лекарка не знала, как отделаться от хозяина, и, скорее инстинктивно, чем намеренно, направила мощный импульс на уничтожение опухолевой ткани. Жабель почувствовал мощную волну энергии, пролетевшую по руке и завершившуюся ударом по опухоли в животе. Он невольно отпустил ее руку.

– Покажите мне комнату, – шепотом сказала Атрелла.

Жабель побледнел. Он молча смотрел на девушку, потом оторвался от стойки и подошел к внутренней двери, стукнул кулаком два раза:

– Дери! Вставай, проводи постоялицу. – Он оглянулся на Атреллу: – Мне нужно прилечь, что-то знобит... – прошел мимо заспанного портье и повалился в забытый на теплую кушетку.

Портье, не заметив хозяина, с хрустом потянулся, поглядел на девушку.

– Вещи где?

– Все мое ношу с собой, – процитировала Атрелла древнюю арвальскую пословицу.

– Тогда пойдем.

Номер действительно оказался вполне приличный. Портье сдернул колпачки с вечных свечей, чтоб осветить все помещения. Показал, где удобства, постель, белье, как пользоваться запором на двери и шнурком для вызова горничной.

– Правда, горничной у нас нет, но приду я или хозяин, или его жена.

Атрелла умирала от усталости и невольно подталкивала портье к выходу:

– Я спать хочу, Дери! Я разберусь, идите.

– Да! В ванной спиртовая горелка для горячей воды, спирт в бутылки в шкафу. – Дери стоял в дверях, ожидая чаевых. – А еще там мыло, полотенце...

Она поняла, чего хочет настырный портье, и сказала:

– Я хозяину оставила лит, из сдачи возьми себе пару гимиков, остальное принесешь утром. А сейчас иди! И до утра меня не тревожь.

Дери ушел. Атрелла, наконец, разделась. Она шла к ванной, стаскивая с себя одежду и бросая ее на пол. В ванной она заправила горелку и, пока кипятилась в бачке вода, вертелась перед зеркалом, рассматривая себя и так и этак, распуская русую косу. Задумалась.

Изменить внешность? Чуть-чуть... ямочку на подбородке сделать, пару родинок на губе и на щеке. Нет, это все запоминается... Она помассировала ладонями лицо, одновременно посылая импульсы через пальцы к носу, щекам и лбу. Через минуту на нее смотрела из зеркала рыженькая простушка со сплошь усыпанным конопушками лицом. Похожа на себя и совсем не похожа. Может быть, добавить пигмента в кожу? Нет, рыжие – они плохо реагируют на солнце... рост не добавить, скелет менять сложно и долго. Глаза не поменять... нос сделать покурносее, губы потоньше и рот поменьше? Она мяла нос и смотрела, как лучше. Лицо ее приобрело недоброе, мстительное выражение, больше свойственное нэреитам. И вдруг она испугалась: а сможет вернуться к прежнему виду? Закрыла ладонями лицо и постаралась припомнить себя прежнюю. Посмотрела – она! Соломенные, слегка выющиеся волосы и чистое белое лицо, без особых примет. Рассмеялась: и зачем ей маскироваться? Погладила себя: грудь нормальная, может, уменьшить? Нет... это самое ценное. Попу подтянуть? Это можно. И будто услышала отцовский голос: «Физкультурой надо заниматься, а не перекраивать тело...». Действительно, ведь организм хитрый, уснешь измененной, а проснешься как была... за ночь все вернется.

Бачок в душевой засвистел паром – водичка вскипела!

Атрелла с наслаждением залезла под теплую струю и смыла дорожную грязь, усталость и обиду на отца. Про себя решила: поживет тут до весны, сходит в местный госпиталь, может, наймется на работу. И будет потихоньку разузнавать, как там папа живет?

Уже чистая, она покрутилась в комнате, определяя, где восток и, следовательно, восход, встала на колени и помолилась Литу привычной лекарской молитвой:

– Благодарю Тебя, Лит пресветлый, за все, что дал Ты мне в день прошедший, знания для определения болезни, твердости духа в принятии решения и сил к исцелению больных. Прости меня за прегрешения вольные и невольные, за гордыню и поспешность в поступках, и не оставь меня в милости своей, дай отдыха ночью и защити от гнева жены Твоей во время ее, – ощутив теплый толчок в груди, довольная поднялась с колен. Всегда приятно, когда тебя слышат, особенно если слышит бог.

Она накрыла все свечи, на одну нахлобучила чехол с дырочками и, устроившись под одеялом, сложила руки поверх и сказала:

– На новом месте, приснись жених невесте, – хихикнула и почти мгновенно уснула.

Снилась какая-то ерунда. Она куда-то бежала, за ней гнались, вдруг впереди появилась огромная фигура с длинными руками, ее схватили, прижали к твердой как дерево груди – и она колотила в эту грудь кулаками, но слышались удары словно в доску или дверь.

В номер драбаданили нещадно. Не имея времени одеться, Атрелла укуталась покрывалом с кровати и подошла к двери.

– Кто?

– Хозяину плохо! Вас зовет! – голос Дери прерывался от волнения и бега по лестнице.

Атрелла распахнула дверь. Портье тоже был в исподнем.

– Но я же не лекарь... – она поправила волосы, дернув головой. Под покрывалом, не было ничего, но портье не дал ей одеться.

– Хозяин зовет вас, пойдемте, – Дери схватил ее за руку и повлек за собой вниз по лестнице.

Атрелла вырвала руку:

– Я хоть немного оденусь! Сейчас приду!

Жабель лежал на кушетке и тяжело дышал, лоб его покрывал холодный пот. Дери оставил Атреллу и подбежал к хозяину гостиницы:

– Она пришла!

Жабель приоткрыл один глаз:

– Помоги, дышать не могу!

Атрелла встала на колени рядом с кушеткой и заплакала:

– Я не имею права, у меня ничего нет, ни диплома, ни лицензии. Меня же посадят!

Жабель разлепил пересохшие губы и, еле ворочая языком, проговорил:

– Как поговорили с тобой, боль утихла, а потом так затрясло – сил нет. Помоги – или исцели, или дай умереть, не мучаясь...

Откуда-то выскочила невысокая пухлая женщина и налетела на девушку.

– А, змея! Ты мово мужа уморила! Порчу напустила! – принялась она причитать и рвать на голове волосы. Атреллы касаться она боялась, только ругалась. А Дери ее удерживал и успокаивал.

– Умолкни, дура! – сказал Жабель. – Она тут ни при чем, – и впал в забытие.

Атрелла положила левую руку ему на лоб. Информация покатила волнами: боли уже не было, а было что-то странное, опухоль скукожилась и стала малюсенькой и плотной, метастазы из больших шаров превратились в пустые водянистые пузыри, сердце тарахтело, перекачивая наполненную трупным ядом кровь, почки стояли, моча не шла. Атрелла поняла – ее инстинктивный импульс, конечно, вызвал быстрый распад опухоли, объем которой был уже так велик, что разрушенные мертвые раковые клетки заблокировали работу почек.

Атрелла убрала руку и повернулась к Дери и жене:

– Приготовьте очень много воды.

– Зачем? – удивились те. – Сколько?

– Я попробую его спасти, но мне нужно будет много пить. Два ведра не меньше. И отхожее ведро поставьте. А сами идите, пусть только Дери сидит тут рядом.

Уже рассвело, когда бледная, изможденная Атрелла отняла руки от живота Жабеля. Тот, порозовевший, спал и дышал спокойно. Она за ночь раз десять бегала на горшок, очищая его кровь, и пила странную смесь: разведенные в воде мед, соль и соду. О соли и меде она вспомнила в последний момент – когда-то отец ей говорил, что при тяжелой работе, очистке организма больного с поврежденными почками, лекарю нужны три вещи: вода, соль и сахар. А иначе он сам погибнет, растратив все силы.

Она уснула прямо в комнате хозяина у стеночки, так устала. Не заметила даже, как Дери на руках перенес ее в номер и уложил в постель.

Девушка проснулась, когда в дверь деликатно постучали. Она крикнула:

– Кто там? Заходите!

Все происшедшее ночью показалось ей сном. За окном тускло, по-зимнему светило полуденное солнце. Она попробовала прикинуть, который час – выходило, что уже далеко за полдень.

Дверь отворилась, вошла жена Жабеля, внесла поднос с яствами.

– Ваш обед, госпожа лекарь! – елеинный голосок лишний раз подтвердил, что ночной скандал был всего лишь сном.

Сытая, отдохнувшая, Атрелла спустилась в холл таверны. Жабель стоял на привычном месте, лицо его приобрело розовую окраску, и он с наслаждением посасывал большую трубку, а по залу распространялся аромат отличного табака марки «Капитанский».

Атрелла осмотрела зал – он был полон едоками. Женщины-блюдоноски сновали меж столами, посетители – преимущественно одетые в морскую форму – дружно стучали ложками и зубами.

Девушка подошла к хозяину:

– Доброго дня, – она хотела еще спросить, где тут ближайший госпиталь, но Жабель достал трубку изо рта и сказал:

– Воистину добрый, девочка! – он положил перед ней на стойку золотой: – Вот твоя монетка, дочка.

Атрелла покраснела:

– Что вы? Я же уплатила за комнату.

– Ты уже расплатилась с лихвой, живи сколько тебе нужно. Год или два – за все уплочено.

– Я не понимаю, – растеряннo сказала девушка.

– Да чего уж... – Жабель погладил ее по голове, – спасла меня. Неужто, не помнишь ничего?

Понимание забрезжило. Атрелла догадалась, что ночные приключения – совсем не кошмар лекаря, а реальность. Ей стало страшно. Она опять без лицензии оказала помощь. И на этот раз она уже не пошутила, как с фардвами в дилижансе, а при свидетелях выполнила работу целой бригады лекарей высших рангов. Такое ей бебешники точно не простят. Стоит сболтнуть Дери или жене Жабеля... и все. А ведь ее имя записано в книге посетителей: Атрелла Орзмунд. Девушка побледнела, от страха ослабли ноги, нос набух, и глаза наполнились слезами.

– Ну вот! – сказал Жабель. – А чего ж теперь реветь-то?

– У меня лицензии на практику нет, – всхлипнула Атрелла, – меня арестууууют и приносят в жертву Безутешной...

Жабель понял. Он затаился, выпуская дым колечками.

– Вот что, девушка, главное – не дрейфь. Я-то, ясен пень, не сболтну, а вот за Дери или женку ручаться не могу, особенно за жёнку. Не захочет, а проболтается. – Он опять покурил и продолжил: – Ее я сегодня ж отправлю в Нёртел к сестре, на недельку, пускай там поживет. Дери велю рот зашить... а тебе, тебе... – он опять затаился и медленно, с наслаждением выпустил дым через нос: – Ох, хорошо-то как!

Задумчивый взгляд его шарил по залу. Он подозвал одну из официанток:

– Лára! Ты видела сегодня Шармина?

– Капитан Шармин только что пришел и сделал заказ, – ответила, подбежавшая с полным подносом, Лара.

– Предай ему, что я прошу подойти в мою комнату на пару минут. Есть серьезный разговор.

Официантка удалилась, а Жабель взял Атреллу за руку и повлек за собой.

В комнате, которую девушка вспомнила, хозяин усадил ее в кресло, а сам встал у раскрытой форточки и продолжил курить.

Вошел огромный широкий дядька в бороде и водонепроницаемом длинном плаще с капюшоном. Он держал в толстых пальцах деревянную зубочистку и выковыривал мясо между зубами.

– Жабель! – хриплым басом спросил вошедший. – Скажи мне, что за разговор смог оторвать меня от вырезки запеченной на углях? – он выудил, наконец, кусок мяса и пожевал его.

Хозяин гостиницы оторвался от форточки, положил трубку на стол, подошел к капитану и, пропустив его вопрос мимо ушей, задал свой:

– Шармин, когда вы выходите в море?

– Да мы только стали под погрузку! Везем красную сосну в Кренг, – ответил капитан. – Может, завтра отчалим, это если до утра закончат. А может, и послезавтра! А что?

– Ты говорил, что тебе на судно лекарство нужно.

Атрелла вскочила, но Жабель махнул ей рукой: «сядь!». Она послушно опустилась в кресло.

– Нужен, верно, – Шармин даже ковырялку свою отложил. – Чтобы хотя бы царапины моим оболтусам залечивать мог.

– Тут вот какое дело, – Жабель подошел к капитану, – эту девочку нужно отвезти в Рипен, за провоз она может в плаванье лечить твоих охламонов.

Шармин поглядел на пунцовую Атреллу, потом перевел взгляд на Жабеля.

– Баба на судне... – начал он.

– Эта девочка спасла мне жизнь, Шарм, и ей нужно уехать, если бебешники узнают...

Капитан махнул рукой:

– Молчи, это лишнее. А мне достаточно знать, что она помогла моему старому другу. То-то я гляжу, морда у тебя неестественно румяная. Думал, по возвращении помянуть тебя, почившего, да видно не судьба.

– У меня нет лицензии, – пискнула Атрелла.

Шармин откинул плащ, достал огромный нож, засучил рукав на левой руке, завернув свитер – и полоснул, да так, что кровь ударила фонтаном.

– Залечи, – повернулся он к девушке, протягивая руку с огромной раной. Кровь полилась на пол.

Атрелла никогда не боялась вида крови. Она подбежала к капитану, накрывая ладонью порез. Кровотечение мгновенно остановилось. Лекарка просунула пальцы второй руки в рану, ногтями свела края перерезанных сосудов и коротким импульсом сварила их. Кровь устремилась своим обычным путем. Еще несколько секунд, и из-под ладони девушки показалась нетронутая кожа, на которой не осталось и рубца. Атрелла отошла, кровь с пальцев исчезла,

превратившись в воду. О том, что на руке когда-то был разрез, напоминала только небольшая лужа крови на полу. Атрелла присела и провела по ней рукой, лужица исчезла.

– Вот. – занимаясь с раной, она забыла провести полную проверку организма капитана. Шармин потряс Атреллу за плечи. Она чуть не прикусила язык.

– Хороша! Чистюля! – гаркнул капитан. – В море лицензии не нужны, акулам их показывать? Мы завтра, в крайнем случае, послезавтра выходим в Кренг, у меня лесовоз «Нарвал» – приедешь в порт, спросишь, покажут. Вахтенному скажешь – прислал капитан. Возьму, как пассажирку, плата за провоз – будешь лечить команду. По рукам?

Атреллина ладошка утонула в капитанской лапе. Тот был абсолютно здоров.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Атрелла переселяется на корабль и хочет превратиться в мышку, а бебешники уже идут по следу...

Не довелось Атрелле прожить в «Баркасе» неделю.

Жабель понял серьезность положения и грозившую ей опасность. Законодатели герцогства Норскап не отличались особенным рвением к исполнению законов о лицензировании лекарской деятельности, по архипелагу ходило немало знахарей и целителей, которые вообще никаких разрешений не имели, правда, деньги за свое умение брали исправно, забывая при этом отчислять налоги. Но, почему-то, законникам они были не интересны, видимо потому, что почти все эти умельцы поклонялись Нэре или искусно делали вид, что поклоняются, впрочем, разница невелика. А вот поймать шаловливую литарийку – это мечта любого бебешника.

Люди, желающие сделать карьеру на чужих ошибках, есть везде. Им не важно, кто и как ошибся – они выжимают из ситуации все до капельки, раздувая опасность деяния до невероятных значений, превращая неосторожный поступок ребенка в преступление против государства и убеждая всех в угрозе национальной безопасности от этого человека. Личная выгода – вот чем обычно руководствуются такие люди, обращая чужие ошибки исключительно себе на пользу. Их не волнует дальнейшая судьба оступившегося. Их беспокоит только собственный успех в виде галочки в личном послужном списке. Они смело идут по костям, не считая побежденных. Они уверены в своей правоте. Жалость и милосердие они отвергают. Тех же, кто подвержен этим чувствам – презирают. Эти люди признают одну богиню – Безутешную Нэре – и усердно поклоняются ей.

Атрелла в тот же день, не откладывая дела в долгий ящик, пошла в порт и разыскала лесовоз «Нарвал». Интуиция подсказывала, что чем быстрее она покинет остров, тем лучше.

Капитана на судне не оказалось, но тот, оказывается, успел уже отдать все необходимые распоряжения, и девушку встретили очень доброжелательно, показали каюту и даже научили нескольким морским словечкам. Она внимательно выслушала все необходимые требования, как-то: без разрешения дежурного вахтенного борта не покидать; сообщать, куда пошла, когда вернется; не плевать на палубу и за борт, не свистеть и не лазить в юбке на мачту, а еще рассказать коку, что она не ест.

Последний вопрос поверг Атреллу в задумчивость. До сего момента она считала себя не больно привередливой в еде, а когда спросили, что не ест – вдруг вспомнила, что терпеть не может свинину, кое-какую вонючую рыбу и хлеб с ароматическими травками. А еще ей не понравился сараджанский суп хуч, которым однажды угощал один из папиных учеников. Сам бульон на телячьих ножках, в общем-то, был ничего, если посолить и поперчить, а вот то, что в него приходилось добавлять уксус и при этом обязательно запивать разведенным винным

спиртом — было совсем невкусно. Атрелла зашла на камбуз и все рассказала коку. Тот долго смеялся, наконец, сказал:

– Кашу ешь? Мясо жареное, солонину, рыбий суп, хлебные лепешки?

– Ем, – ответила Атрелла.

– А больше я ничего не готовлю. Так что разносолов, а уж тем более хуча – не будет.

Он показал лекарке большие ящики с мясом, хлебом, крупами и мукой. Атрелла знала: это специальные контейнеры Герна – там остановлено время, поэтому ни мясо, ни хлеб не портятся. По морю ходят большие корабли с огромными контейнерами – перевозят скоропортящиеся продукты.

Она осмотрела каюту, осталась весьма довольна, потом доложила вахтенному, что ей нужно вернуться в гостиницу за сумкой, и тот отпустил.

Уходя, Атрелла оглянулась на корабль. Он был велик. Этакое гигантское плавучее корыто, в которое такие же огромные портовые краны, управляемые магами-воздушниками, грузили квадратные бревна норскапской красной сосны – ценнейшего строительного материала на материке. Сколько ни пытались лесники выращивать эту породу на большой земле – ничего не получалось.

Лесовоз «Нарвал» когда-то был четырехмачтовым парусным торговым судном, с деревянным корпусом, обшитым листовой сталью. Теперь с него сняли две мачты, в трюме установили паровую силовую машину на орионе и переоборудовали – осовременили кормовые надстройки, где располагались и мостик, и рубка, и каюты. От старого «Нарвала» остались только китовая голова на носу и бивень – бушприт. Да еще две мачты, носовая и кормовая, названия которых Атрелла не знала.

В гостинице она пробежала в свою комнату, быстренько покидала в сумку вещички и, не запирая помещения, поскакала вниз по лестнице к комнате Жабеля. В коридоре ее перехватил Дери:

– Стойте!

Она застыла.

– Вам туда нельзя.

– Почему?

– У хозяина следователь из Братства Безутешной.

У Атреллы ослабели ноги. «Бebешники! Нэреиты!». Но как они вышли на ее след?

– Я пропала, – слезы навернулись и хлынули по щекам.

– Хозяин ничего не сказал ему.

– Как ничего?

– Я слышал, он ответил, будто вы приходили ночью, но не сошлись в цене и ушли, а куда, он не знает.

Атрелла достала платок и села у стенки – плакать. Ей было страшно, и уже хотелось пойти и добровольно сдаться. Говорят, если признаешь свою вину – можно отделаться запретом на практику для первого раза и большим штрафом. Правда, придется вернуться с позором домой и уже помалкивать насчет гендеров... папа будет доволен. Жизнь кончилась. А все из-за этих гадов фардвов с их вонючими пиписьками! Выпендриваться не нужно было! Почки почистила, простатит подлечила... теперь хлебай проблемы.

Дери поднял ее и потащил на двор через служебный выход:

– Идемте! Пока он обшарит все таверны и кабаки в районе порта, вы успеете уйти далеко. Я так понял, он не знает толком, как вы выглядите, а хозяин описал вас долговязой рыжей девахой со стриженными волосами. Вы ведь не такая.

Атрелла тащилась следом, продолжая хлюпать носом:

– Яааа усу... губ... ляюуууу свою вину!

Дери вывел ее к дороге в порт:

– Идите, госпожа. Я вас не видел, знать не знаю, и ведать ничего не ведаю. Храни вас Лит пресветлый! – он улыбнулся. – Не все в Ганеволе нэреиты.

Атрелла мышкой пробежала на корабль. Вахтенный не заметил ее зареванности. Она заскочила в каюту, и больше всего хотела спрятаться в какой-нибудь маленький ящичек и сидеть там тихо-тихо... Она свернулась калачиком на койке и принялась думать: как же эти бебешники узнали о ней?

А произошло то, что, должно было произойти по закону жизни.

Братцы фардвы прибыли в город, и в силу своей клептоманской натуры забрели в морвокзал и попались при попытке утащить сумку, бдительный хозяин которой оказался отнюдь не лекарем, как Атрелла, а самым обычным морячком, ехавшим в отпуск, и он сразу залепил воришкам по сопатке. Двоим одним ударом! Началась драка.

Охрана порта всех скрутила и отвела в следственную комнату – для выяснения.

Моряк предъявил документы, добровольно подставил голову следователю, весь лекарский опыт которого состоял лишь в том, чтобы определить врет подозреваемый или говорит правду. И он в три касания к вискам и темечку определил, что тот не врет – потому морячка отпустил. А, проделав подобную процедуру с фардвами, обнаружил участки вытертой памяти, причем свеженькие. Это его насторожило. Будучи сам не лишен кое-каких медицинских знаний, обнаружил и расхождение между записью в выписке из Блавны и отсутствием признаков указанной болезни у якобы больного.

Выходило, что некий подпольный лекарь полечил фардвов и на всякий случай потерял им память. Это почище драки в помещении вокзала! Он, конечно, обычный следователь и не занимается подобными преступлениями, но как правоверный нэреит составил рапорт по всей форме, отправил воришек-фардвов в следственную тюрьму – до суда, а рапорт переправил в управление надзора при местном ордене безутешной богини Нэре.

Управление надзора занималось контролем благотворительности и называлось «Братство Безутешной».

А точнее, следило за исполнением договора между литариями и нэреитами – в частности, о том, что лекари не будут лечить бесплатно и всякий случай оказания помощи обязуются всенепременно учитывать. А то Безутешная еще больше расстроится. Кроме этого, у нэреитов бытовало правило: благотворительность, благородство, милосердие, всякие порывы ко спасению и исцелению суть безумие, а безумные – опасны! И подлежат изоляции. Допустить, что лекарь способен лечить из шалости, они не могли. Впрочем, лекарь-шалун – тот же безумец.

Следователь из Братства Безутешной рьяно включился в розыск преступника-лекаря, и в тот момент, когда Атрелла мирно отсыпалась после лечения Жабеля, поджидал дилижанс из Гразида, в котором ночью приехали воришки.

Рыжий Ларик описал всех, включая и Атреллу, добавив при этом, что рекомендовал ей идти в «Баркас». Там следователь чуть не застал прибежавшую из порта девушку, если б не Дери, который вывел ее через служебный вход. Нэреит спокойно, даже несколько безучастно выслушал Жабеля и сказал, уходя:

– Я все выясню, господин Дохолан, и должен предупредить, что если вы солгали, то из свидетеля станете соучастником преступления, а это может вам обойтись впоследствии очень дорого.

Он поклонился и вышел. Жабель на эту реплику промолчал с деланным равнодушием. Жена его уже тряслась в дилижансе на дороге в Нортел, Дери – человек надежный, а больше об Атрелле никто ничего не знал. О записи в книге, а точнее, о ее исчезновении он позаботился еще утром.

Тот, кто сам не относится к нэреитам, плохо их знает. Религия чистого разума требует от адептов внимательности и подозрительности, трезвого расчета и абсолютной безжалостности.

Следователь был жителем Ганевола и кое-что кое о ком знал. В частности, знал он и прозвище хозяина «Баркаса». Посему он направился, конечно, по соседним тавернам, но, наткнувшись на информацию о том, что никакой девушки никто не видел, и после полуночи к ним вообще никто не приходил, отправился к лекарям.

Найти того, к которому не так давно обращался за помощью Жабель, не составило труда. Нэреит предложил лекарю-литарию оказать содействие в расследовании и поиске незаконного целителя-безумца и опять сообщил, что отказ от помощи будет квалифицироваться как соучастие и может повлиять на лицензию в дальнейшем. Лекарь согласился и позволил следователю покопаться в его записях. Тот быстро нашел запись, что *«Жаберин Дохолан страдает от рака желудка в финальной стадии с поражением печени, возможно лечение у лекаря высшего ранга»*. В списке рекомендованных среди известных профессоров значился и Витунг Орзмунд. Видимо, цена за лечение заранее была обозначена столь высокой, что Жабелю оставалось лишь набрать денег на «последнюю молитву» – как называли уход в храме Нэре.

Следователь нисколько не разозлился. Нэреитам эмоции воспрещены – это грех. Даже месть должна свершаться с холодной головой и чистым разумом. Он пригласил лекаря с собой и уже поздним вечером вновь появился в «Баркасе». Жабель все понял. Его ложь не прошла, теперь придется отвечать.

Нэреит пропустил вперед лекаря и сказал:

– Гражданин Дохолан, вы подозреваетесь в содействии преступнице – девушке роста ниже среднего, волосы русые, вьющиеся. Одета в коричневый плащ на меху, из вещей имеет дорожную кожаную сумку коричневого цвета и посох, инкрустированный серебром, по мнению свидетелей – вещь старинная, дорогая.

Жабель пожал плечами:

– Докажите.

Следователь повернулся к сопровождавшему его целителю:

– Господин лекарь, осмотрите подозреваемого. Судя по вашей записи, у него имеется неизлечимое заболевание – рак желудка.

Лекарь, уже изумленный видом Жабеля, очень хотел осмотреть странного больного.

– Дайте руки, – попросил он, и Жабель протянул ему обе.

Лекарь взялся за запястья и принялся изучать организм хозяина гостиницы, и снова изумлению его не было предела: он обнаружил на месте опухоли желудка лишь небольшую деформацию, а там, где печень «украшали» шары метастазов, теперь была нормальная ткань. Следы лечения читались очень ясно. Неизвестный целитель так поработал с организмом Жабеля, что тот помолодел лет на десять. На мгновение лекаря взяла зависть. Сам он так не мог. Он отпустил руки хозяина гостиницы и повернулся к следователю:

– Это невероятно! Вы все-таки обратились к кому-то из профессоров?

– Еще один случай незаконного и, как я полагаю, бескорыстного исцеления, – следователь достал блокнот и грифельный карандаш в медном корпусе.

– Совсем даже не бескорыстного, господин следователь, – улыбнулся Жабель.

– И много ли вы ей заплатили?

– Дело не в деньгах. Заплатил я пол-лита, но я сохраню в тайне имя лекаря. А это стоит намного дороже.

– Это ваше право, а стоит действительно целой гостиницы, но не слишком ли дорого?

Следователь обошел всю гостиницу, опрашивая постояльцев о девушке – никто ничего не знал. Дери тоже не сознался, соврал, что проспал всю ночь и никого не видел.

Следователь возвратился в комнату Жабеля, давил, угрожал, что тот получит массу проблем, что его замучают санитарными проверками, что Дохолан будет обвинен в пособничестве преступнице.

На что Жабель сказал:

– Все ваши выводы, господин следователь, вилами писаны по воде, это всего лишь ваши домыслы и догадки.

Лекарь, еще не ушедший из гостиницы, вдруг подал голос:

– Вы знаете, я, видимо, ошибся, определив у Жаберина Дохолана тяжелую болезнь, он абсолютно здоров! – и незаметно подмигнул.

Вот тут нэреит впервые проявил эмоции – он гневно сверкнул глазами и спросил:

– То есть, вы скверный лекарь? Не разобрались с болезнью? Не можете больного от здорового отличить?! Я поставлю на комиссии вопрос о вашей компетентности и продлении вашей лицензии на практику. – Лекарь знал, что нэреиты не бросают слов на ветер, если могут получить выгоду или отомстить. Месть – та же плата, только отдает ее богиня Нэре. – Вы совершаете большую глупость, господа, выгораживая преступницу. Мало того, если принять во внимание, что вам, господин лекарь она ничего не дала – вы сами становитесь преступником, о чем я немедленно подам рапорт в прокуратуру города.

Он опять повернулся к Жабелю, который, услышав слова лекаря, повеселел:

– Я должен опросить работников таверны, где все?

– Так уже по домам разошлись, – сказал хозяин, – ночь на дворе, придут завтра утром, и вы утром приходите. Правильно же говорят: утро вечера мудренее.

– Вздор! Ночь – время Безутешной. Именно по ночам рождаются самые гениальные идеи! Безутешная мне поможет... – тут следователь вспомнил, что сам он еще не жрец Нэре и не обладает тайными знаниями адептов. – Хорошо, мы придем завтра! И пеняйте на себя. Не говорите, что я не предлагал вам сотрудничать.

Он действительно пришел ранним утром, и не один. Жабель понял, что нэреиты не успокоятся – все обещанное они выполняют. Он уже жалел о своем благородном порыве.

– Послушайте, – сказал он, подойдя к бебешнику, – если я дам показания, вы оставите меня в покое?

– А не поздновато ли спохватились, господин Дохолан? – нэреит не мог отказать себе в удовольствии поглумиться над хозяином гостиницы.

– Вам виднее, господин следователь. Ну, так что, будете ее сами искать или дать точный адрес?

Следователь думал недолго. Прижать Жабеля он всегда успеет, а вот упустить преступницу, потеряв время на розыск, не хотелось бы.

– Однажды вы уже солгали, как я могу верить? – с сомнением произнес он.

– Сейчас мне обманывать невыгодно. В тот раз я еще не отошел от влияния девчонки. Вы же понимаете, как заразно безумие литариев, – Жабель говорил как истинный нэреит.

– Ну и где она?

– На лесовозе «Нарвал».

– Что ж, брат Жаберин, ваше признание стоит гостиницы.

Нэреиты помчались в порт. Но в портоуправлении выяснилось, что «Нарвал» уже два часа как ушел из Ганевола в Кренг. И пока его будет догонять береговая охрана, он достигнет нейтральных вод.

Атрелла от волнений проспала завтрак. Ее не стали будить.

«Нарвал», уверенно рассекая четырехбалльную волну, шел на юг со скоростью вполне достойной для старого лесовоза – десять-тринадцать узлов при попутном ветре.

Следователь, стоя на причале, в бессильной ярости со всей силы стукнул кулаком по массивной каменной тумбе и зашипел от боли. Он пошел обратно в город, и первым делом направился в храм Безутешной, чтобы исповедоваться и посоветоваться со жрецами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Нарвал попадает в шторм, а Атрелла спасает ногу и пьет компот.

Дни сменяли дни, «Нарвал» стремился к югу, ведомый уверенной рукой капитана Шармина.

Команда встретила Атреллу беззлобными шуточками. Все здоровые дядьки, никаких болезней. Это она определила, когда Шармин на следующее утро, уже в открытом море, построил свободных от вахты и представил нового лекаря – при этом она прошла вдоль строя, пожимая каждому руку и представляясь.

С одной стороны, это было замечательно. А то она думала, что морячки будут сплошь с алкогольным поражением печени, а оказалось – нет. На судне Шармин держал сухой закон. Пить разрешалось только на берегу и не перед вахтой. Вообще Шармин взял Атреллу в свою компанию за обедом и ужином, как он называл – в офицерскую кают-компанию. С ними обедали старший помощник, два помощника штурмана-навигатора и главный механик, отвечавший за работу паровой машины. Как поняла Атрелла, магом на судне был только штурман. Он служил на «Нарвале» еще с тех пор, когда корабль был парусным, и не только прокладывал курс, но писал прогноз погоды и обеспечивал попутный или боковой ветер.

Несмотря на здоровье команды, без работы Атрелла не оставалась: ежедневно к ней прибегали то с порезами, то с ожогами. Со всем этим она справлялась легко и быстро. И на третий день поняла – матросы нарочно себя травмировали, чтоб выкроить минутку и пообщаться с миленькой лекашкой. Заживляя очередной ожог, она пригрозила, что пожалуется капитану.

К вечеру третьего дня за ужином Шармин был невесел, он вздыхал, поглядывая на штурмана, и досадливо кричал. Атрелла поняла: что-то шло не так. Она спросила:

– Господин капитан, что-то случилось?

– Еще нет, – ответил Шармин, – но скоро случится.

Атрелла не знала, можно ли спрашивать дальше, но капитан сам объяснил:

– Идет шторм, с которым штурману не удалось справиться, и он для нашего старичка слишком сильный. А уйти – ходу не хватает.

Атрелла не сразу поняла, что старичком Шармин назвал корабль, а не штурмана, вполне еще молодого человека.

Главный механик доложил:

– Мы выжимаем из машины все, что можно, но груз... может, сбросить, хотя бы часть?

Шармин стукнул кулаком по столу, и посуда подпрыгнула.

– Не бздеть! Груз укрепить. Навигаторам приготовиться к авралу.

Атрелла этой фразы не поняла, а помощники штурмана ответили:

– Есть!

– Простите, к чему приготовиться? – переспросила девушка.

– А вам, госпожа лекарка, приказ такой, – Шармин не соизволил объяснить насчет навигаторов, – надеть спасжилет, сидеть в своей каюте в обнимку с тазиком и не блевать на пол, а если пронесет со страху и до галюна не добежите – убирать будете сами.

Атрелла покраснела:

– Я не...

Шармин продолжал, не обращая внимания на девушку и ее возражения:

– Шторм-команде проверить и подготовить шлюпки и все необходимое на случай эвакуации. Всей команде, – он повернулся к старпому, – занять места по штормовому расписанию. И следите за грузом! Заведите дополнительные тросы! Всё, пошли выполнять!

Атрелла почувствовала, как нелюбезно лупят в борт волны, и хотя в кают-компании было светло, тепло и сухо, она представила, какой ад начинается на палубе. Она выскочила на квартердек, цепляясь за поручни, потому что ноги скользили по мокрым доскам. Несмотря на то, что «Нарвал» уже вышел из северных морей, ледяной ветер бил в корму, подгоняя старенькое судно. Атрелла слетела по трапу и больно приложилась коленкой о настил. Ее каюта была совсем рядом, когда вдруг сумасшедший удар – и все судно накрыла гигантская волна.

Ослепшая, оглохшая, мокрая до нитки, Атрелла нащупала ручку люка в трюм и, выждав момент, когда вода схлынула, нырнула в отсек кают. Задрав за собой дверь, она вытерла лицо. Небольшое окошко в двери позволяло видеть часть грузовой палубы. Вот промелькнула чья-то спина, матрос пошел на нос корабля. Вот еще один. Она продолжала смотреть, хотя вода, стекавшая по стеклу, искажала перспективу, а бешеные удары волн сотрясали корпус, отчего девушка пару раз приложилась носом об дверь.

Она вдруг почувствовала, что замерзла – вот только что было жарко, а тут зазнобило – и по стеночке двинулась к себе в каюту. Тут уже побывал кто-то из команды: иллюминатор был задраен металлическими ставнями изнутри. Атрелла заперлась и стала переодеваться в сухую одежду. Форму корабельную ей выдали еще в первый день, обычную мужскую матросскую робу: просторную льняную рубаху, портки, теплый тонкий полосатый свитер-тельняшку с вышитым заклинанием, от которого в холодной воде становилось тепло, и просмоленную непромокаемую куртку с капюшоном. Одежду она с помощью боцмана перешла под свой размер, а вот обуви по ноге не нашлось. Пришлось ходить в своих сапогах. Переодевшись, она вспомнила, что Шармин велел надеть спасжилет. Его она нашла в ящике под койкой.

Шторм навалился с полной силой. Лесовоз скрипел и стонал, выгребая по краю урагана, рвался на юг, на тихую воду, но и шторм шел на юг, хотя их курсы расходились. Шторм заворачивал к западу, тогда как Шармин направлял «Нарвала» к северо-западному побережью Харанда – на восток. Ветер тащил судно за собой, сдвигая его к Слемировым островам и рифам.

Волны били в корму с левого борта, Шармин стоял в рубке, сам у штурвала, удерживая судно на курсе. Один из навигаторов лежал на кушетке с закрытыми глазами, второй стоял рядом на коленях и держал лежащего за руку. Шармин, не отрывая глаз от волн, рявкнул:

– Координаты?!

Навигатор, принявший специальное зелье, сейчас сознанием был в пространстве над морем, над миром. Он видел и свой корабль, и другие суда, и побережье Харанда, до которого шторм не докатился, но которое покрывала бурая пелена, и Слемировы острова, на которые несли шторм, а главное – он мысленно общался с навигаторами других кораблей. Второй, что держал его руку, получал эту информацию и переводил ее в понятные слова.

– Пятьдесят два градуса северной широты, – отозвался неспящий навигатор, – и шесть минут.

Штурман приготовился поставить точку на карте, ждал долготы, и навигатор отозвался:

– Тринадцать градусов и десять минут западной долготы.

Штурман отметил место корабля, а навигатор продолжал:

– На юго-востоке от нас сторожевой фрегат Империи, готовый выйти на помощь. На севере пассажирский транспорт из Нортела – триста пассажиров, их шторм обошел, готовы идти к нам, но не хотели бы. От острова «Арвал-большой» отошел грузовой пароход «Хариб» из Лиды, но они сами почти в эпицентре. У них машина втрое мощнее нашей.

Шармин молча слушал, потом сказал:

– Добро! Будет полный оверкиль светить – позовем. А пока – рано сливать масло.

Бодрствующий навигатор вдруг сказал:

– Шестой флот империи отправил два рейдера на паровом ходу нам навстречу, – и тут же добавил: – Мы их не звали!

Шармин пожевал бороду. Кто просит помощи, тот за нее и платит. Корабль и фрахт застрахованы, но пока получишь страховку, все жилы вытянут. Выбросить часть груза – тоже не выход: сброшенные бревна могут стать причиной аварий для других судов.

– И когда будут здесь?

Навигатор помолчал, получая информацию от спящего, и сказал:

– При их ходе в сорок узлов – самое быстрое будут через шесть часов.

Шармин повернулся к штурману:

– Попробуй его утихомирить, шесть часов такого мордобоя наш старичок не выдержит.

Штурман принялся подбирать заклинание и настраиваться на управление штормом.

В рубку ворвался матрос:

– Лекарка где?

Шармин ответил по-морскому с упоминанием женских принадлежностей.

Штурман сказал:

– Не ругайся, ты ж ее сам в каюту послал.

– Что случилось? – спросил Шармин.

– Юргесу ногу тросом отхватило! Напрочь!

– Отнесите его в кубрик и зовите девчонку, она в своей каюте, блюет небось...

Атрелла прилетела в кубрик, хватаясь за стены, скобы, крючья и все, что могло помочь удержаться на ногах в этой бешеной болтанке. На столе лежал белый как снег человек – матрос, а рядом, отдельно, – его нога, отрубленная будто топором чуть выше колена. На культе был накручен из пеньковой веревки импровизированный жгут. Матрос был в сознании и плакал. Рядом стоял его товарищ и уговаривал:

– Моли бога, что живой, не плачь, Юргес, лекарка уже тут, все будет хорошо, и без ноги жить можно!

– Мне на берегу жизни не будет... – раненый не стонал, боли еще не было.

Атрелла положила левую руку на лоб пострадавшего и первым делом погрузила в сон. Болевой шок не успел перейти в фазу торможения, когда следующей станет агония.

Летом в портовом госпитале ей было поручено обезболить всех травмированных, а еще она помогала лекару, который делал операции при разных травмах. Сейчас у нее помощников не было. Опытные моряки успели только наложить жгут на ногу, и теперь парню хотя бы не грозила смерть от кровопотери. Нужно было с чего-то начинать. Атрелла осмотрела культю.

Мышцы, сосуды и нерв были размозжены – не отрезаны. Это плохо. Она настроилась на организм больного и правой рукой осторожно обработала срез культи, удаляя осколки бедренной кости, кусочки мышц и жира из-под кожи.

Артерии и вены белыми трубочками-глазками смотрели на нее. Она вспомнила старую мудрость: была бы кость цела – а мясо нарастет.

Кость! Нужно восстановить ее первым делом. Атрелла взяла отрубленную ногу, смахнула со среза медкие частицы размозженных тканей и кости и приставила к культе, помощнику сказала: «Держи так», – тот схватился двумя руками за ступню и держал. А девушка, запустив обе руки в рану, к прижатым друг к другу краям бедренной кости, лихорадочно вспоминала, что отец говорил о работе с этой тканью. Вспомнила. У трубчатых костей два полюса! Нужно возбудить рост с полюсов. Она настроилась на края бедренной кости, и невидимые силовые линии протянулись через место перелома друг навстречу другу. Атрелла склеила по кругу надкостницу и ощутила, как остециты зашевелились на краях перелома. Увидеть это невозможно, но «шевеление» ею воспринималось как зуд. Она дала команду поднять уровень кальция и фос-

фора в крови. Из других костей в кровь выбросились необходимые элементы. Оссификация – рост костной ткани пошла резвее.

Время летело, но для Атреллы, погруженной физически и фигурально в организм пострадавшего матроса оно словно остановилось. Сколько прошло – час или два? Помощник держал ногу пока не устал, и оба они не заметили, что удары в корпус корабля стали тише. Шурману удалось договориться с ураганом.

Наконец кость схватилась. Мозоль еще была мягкой, и там, где недавно была щель, появилось пухлое желеобразное кольцо, которое быстро твердело. Атрелла взялась сваривать сосуды. Ногтями одной руки она их сводила, второй рукой склеивала стенки. Затем также подтянула концы и склеила нервы. И уже совсем почти без затрат энергии сварила разрубленные мышцы и кожу. Потом отпустила жгут. Вся работа заняла полтора часа, нога была еще жива.

Юргес не просыпался, а Атрелла, положив ему руки на лоб, пыталась проверить – правильно ли ей удалось восстановить ногу. Все проблемы оставались с нервом, тот рос неохотно, связи восстанавливались медленно.

Она посылала команду за командой: пошевелить пальцами, стопой. Наконец, с мизинца начались движения, а за ними и чувствительность. Боль в ноге еще сохранялась, но была терпима. Атрелла перешла от головы к ноге и легкими касаниями помассировала место, где еще недавно была культя. Кость будет полностью готова дня через два. Девушка вытерла мокрый лоб и сказала помощнику:

– Пожалуй, пока все. Теперь два дня ему нужно будет лежать, а потом начнет учиться ходить заново.

Помощник глядел на нее, выпучив глаза. Он и представить себе не мог, что такое возможно.

– Ты чего? – спросила Атрелла, – что с тобой?

Матрос потрогал себя за лоб, нос, потом еще раз прикоснулся к ноге Юргеса.

– Этого не может быть... – он сел прямо на пол. – Я такого... – Он зажал рот руками и сидел, раскачиваясь. – Ты где училась?

Атрелла поправила на себе робу, подошла к небольшому зеркалу над умывальником и, прихорашиваясь, спросила:

– Ты не знаешь, у кока от обеда компот остался? Пить очень хочется... а училась я только у папы.

Шторм еще лупил в корму, но уже беззлобно, в кубрик ввалилась мокрая и смертельно уставшая команда. Они застыли у дверей, видя, что их товарищ спит на столе, и обе ноги у него на месте. Атрелла удивленно повернулась к сидящему на полу помощнику:

– Значит, нет компота?

Тот только молча разводил руками, показывая то на спящего Юргеса, то на Атреллу, то на команду. Моряки столпились в дверях кубрика и молчали, а онемевший помощник вдруг сказал:

– Нет, ребята, это надо видеть! У меня слов нет.

Потом Атреллу тискали, орали так, что пришел старпом, и ему наперебой рассказывали, что Юргес на скользких бревнах покатился, и ногой прямо под стальную стяжку, тут удар в борт, бревна прощелкнули, и тросом Юргеса по ноге, как ножом! Нога – каюк, отдельно, кровяща фонтаном, Юргеса и ногу, которую еле поймали на палубе в воде принесли в кубрик, думали, прощай нога, а она вот – на месте! А лекарка, это ж ваще... от нее-то ждали, что она только культю закроет! А она, вон... всю ногу на место прилепила... и сейчас компоту просит. А ведь девчонка совсем!

Старпом кое-как понял, что Атрелла восстановила ногу за три часа. О том, чтобы так приживляли отрубленные конечности, он, конечно, слышал. Но только когда такие операции выполнялись в больших госпиталях маститыми врачами-хирургами. А тут не лекарка – недо-

разумение! Однако матрос спит на столе, нога на месте, а команда в полном составе тронулась умом. Вот такой компот.

Впрочем, компоту девушке все-таки дали. Все толпой пошли на камбуз, чем немало удивили кока, и принесли большую кастрюлю и кружку:

– На, лапушка – пей, сколько влезет.

Юргеса в шесть рук переложили на койку, он все еще спал. Очумевшую от гомона Атреллу усадили за чисто вымытый стол и стали наперебой угощать. Всем хотелось ее потрогать, не верилось, что она настоящая. И ей совали подарки: ремни, ножи, кто-то сунул губную гармошку, кто-то новую тельняшку.

Эмоции хлестали через край, и каждое прикосновение восторженных моряков воспринималось Атреллой как глоток сорлненной энергии, радости и веселья. Наконец, пришел Шармин. Капитан рывкнул:

– А ну, брысь, сявки! – и команда затихла.

А Шармин расчесал пальцами бороду и сказал:

– От лица команды и от меня лично судовому врачу Атрелле объявляю благодарность. Спасибо, дочка. Руки у тебя – волшебные.

Он повернулся к старпому:

– Там на горизонте имперские кораблики нарисовались, пойдешь, договорись с ними. Скажи, что у нас все в порядке – идем прежним курсом. Все живы и здоровы.

Оставшиеся три дня до Кренга Атрелла занималась раненым Юргесом и разрешила ему вставать, когда «Нарвал» проходил мимо карантинного острова, а на траверсе уже виднелись портовые здания и краны.

Лесовоз подходил к порту в сумерках, и Атрелла увидела замечательную картину: прямо под водой светилась двойная полоса, обозначающая фарватер. Юргес еще прихрамывал. Кость срослась до конца, и нерв тоже, но моряк чуть-чуть подволакивал стопу. Они вдвоем висели на фальшборте, любуясь подводными огнями и мелькающими в их свете рыбами. К Атрелле, с жадным любопытством рассматривавшей новый берег, наслаждавшейся теплым ветерком и доносившимися с берега запахами цветущих деревьев, подошел Шармин.

– Пойдем со мной.

Атрелла пошла, как приказали. В своей каюте капитан достал флягу с вином и, налив себе и Атрелле, провозгласил:

– Давай, дочка, с прибытием!

– Я не пью, – постаралась отказаться она.

– Лекари все пьют, не заливай. Да и я ж не напиться предлагаю, а только немножко, и чисто символически, выпить виноградного вина. «Вина, наполненного светом Лита и дающего силу от Него», – вспомнил он молитву виноградарей и виноделов

Атрелла поняла – пить придется. Решительно взяла стакан, отхлебнула половину. Шармин выпил свой и спросил:

– Ты дальше-то куда?

– Не знаю, – сказала Атрелла. – Может, в порту в госпиталь наймусь младшим лекарем?

Шармин покачал головой:

– Глупости! Тебе учиться нужно, у тебя талант!

Он вдруг залез куда-то под стол. И извлек довольно большой мешок из плотной ткани:

– Это тебе.

– Что это?

– Команда собрала, тебе на учебу, за Юргеса. Бери. Тут хватит. Езжай в Продубин – там, я слышал, медицинский университет, тебе в самый раз.

Атрелла покраснела:

– Мы ж договаривались, что я лечу за провоз. Это нечестно, я не возьму.

– Ты со мной договаривалась, я договор выполнил, а это деньги команды, так что с ними и объясняйся. Только я не советую отказываться, – Шармин очень серьезно покачал пальцем, – обидишь.

Атрелла растерянно смотрела на мешок, попыталась приподнять двумя руками.

– Что ж мне с ними делать?

– В каком смысле?

– Тяжелый, – жалобно сказала девушка.

– Ну, до банка тебе его донести помогут, а там положишь в рост, и с векселем покатишь в Продубин, оставь только себе на проезд.

Она посмотрела опять на мешок, который и сильный Шармин поднял не без труда.

– А сколько там?

– Триста литов! Ребята скинулись по десятке.

– Это слишком! Это очень много!

– По труду и уважение, – сказал Шармин, – отставить споры. Ты еще жизни не знаешь. Думаешь, моряку ногу на место присобачила – эка невидаль!? Ты его семью спасла! Ему жизнь сохранила. Ты думаешь, это все просто так? Поверь, моряки денежкам счет знают, они – эти литы – потом и кровью заработаны. Бери и цени! В любом... да что я говорю, не в любом... это если б повезло найти такого спеца, Юргесу подобная операция обошлась бы не в одну тысячу литов. Так что бери.

– Ему надо бы еще немного полечиться, массаж, травки полезные, чтобы нерв быстрее восстановился, – Атрелла не знала, что еще сказать и вдруг заплакала.

Шармин молчал, а что скажешь, когда плачут от счастья? Он налил себе еще стакан вина и выпил.

«Нарвал» пришвартовался под разгрузку в темноте, не дожидаясь следующего дня. Банки в порту работают круглосуточно, и довольная Атрелла спрятала в сумку вексель на триста литов. Заодно она узнала, что на рассвете отправляется междугородный транспорт в Продубин, и дорога стоит – ого! – целых пять литов. Паровой междугородный транспорт – это не норскапский паровой дилижанс, это целый трехэтажный дом на колесах. В транспортной конторе Атрелле сказали:

– Если хотите подешевле, в вашей комнате будет еще один пассажир.

Она согласилась и подписала проездные документы. Ничего, всего пять дней в тесноте, да не в обиде.

Она думала, что попрощается только с капитаном Шарминым и вахтенным, но оказалось, что вся команда встала парадом у трапа. Перецеловались, и она счастливая сошла на берег. Это ж так здорово, когда тебя любят!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

В которой Атрелла путешествует в одном номере с самым старым в мире гендером, узнает семейную тайну и невольно становится правительственным курьером.

Город-порт Кренг – один из старейших в Рипене и крупнейший торговый порт. Атрелла была уверена, что все порты похожи один на другой. После Ганевола она ожидала чего-то похожего и тут. Однако Кренг поразил ее размерами, обилием пришвартованных и стоящих на рейде судов. Много кораблей стояли не у самого города, а у острова в трех километрах от материка. Остров этот назывался Карантинным. И главной его задачей было не пропустить на материк какую-нибудь болезнь.

Через него должны были проходить все корабли, которые впервые прибыли в Кренг или у которых окончился срок действия карантинного паспорта. Впрочем, многое зависело от того, откуда прибыло то или иное судно. Некоторые разгружались прямо там – на острове, хотя это было менее выгодно, чем в самом Кренге.

У «Нарвала» все документы были в порядке, потому под разгрузку он встал в самом порту, растолкав другие суда.

Атрелла помахала команде с берега рукой, попрощалась со старичком «Нарвалом» и, зажав в руке оформленные еще ночью проездные документы, отправилась на окраину города, где находился вокзал паровых транспортов. Архитектура Кренга, сохранившаяся еще с древних времен королевства, сильно отличалась от приземленной норскапской. Дома в Кренге все были высокие, многоэтажные, окна большие и светлые. Много закругленных углов, крыши домов сферические или состоящие из множества сфер.

Транспорт до Продубина – гостиница на паровом ходу. Атрелла подошла к ней. Длинный дом в три этажа с круглой крышей, сквозь которую торчали трубы, стоял на идеально ровной и прямой дороге. Девушка обошла транспорт по кругу в поисках входа, обнаружила две водительских кабины. Одну спереди, а другую сзади. И догадалась: транспорт не разворачивается. Дойдя до конца, он выгружает пассажиров и отправляется обратно, просто водители переходят в заднюю кабину, которая становится передней.

Вход обнаружился точно посередине, вместе с очередью. Посадка уже давно шла. Атрелла пристроилась в хвост и, когда подошла ее очередь, протянула контролеру оплаченные документы до Продубина. Тот сказал:

– Ваш спутник уже в комнате. Второй этаж, номер тринадцать.

Предвкушая интересное знакомство и заранее настраиваясь на весело-дружелюбный лад, путешественница поднялась на второй этаж и вприпрыжку побежала по длинному коридору в поисках тринадцатого номера. Дверь была открыта. Она влетела в комнату со словами:

– Доброго утра!

Навстречу ей высунулась долговязая фигура с длиннющими руками и вся в складку, от лба и глаз до пальцев. Гендер?! Такой подлости от жизни Атрелла не ожидала. Пять дней делить с ним одно жилье?! Слушать его сентенции о прекрасном, страдания о невыносимости жизни в своем теле и рассуждения о том, как безвкусны люди? Она решила уже бежать обратно к контролеру, чтоб сменить номер, но гендер сказал:

– Доброго утра, милая девочка. Я не доставлю тебе неудобств, – и... замолчал!

Атрелла удивилась. Гендеры так коротко не говорят. Это был какой-то неправильный гендер. Голос у него напоминал скрип сухого дерева на ветру.

Она замерла в дверях и спросила:

– А почему вы решили, что я боюсь, будто вы доставите неудобства?

Судя по лицу, этому гендеру было далеко за тысячу лет. Он полулежал на диванчике, потому что сидеть не получалось.

– Мы всем доставляем неудобства. Такая порода, – гендер попытался улыбнуться. – Я привык. Давно уже научился говорить коротко. Ты ведь с Норскапа? Судя по произношению окончаний, с северо-восточной стороны, Гразид? Я угадал?

Атрелла продолжала изучать старика. Ни крашенных волос, ни колечек в ушах, ни разноцветных одежд. Какой-то древний, как и сам гендер, серый балахон. И пах он не стариком, а пылью веков. Голова почти лишена волос, зато обильно усыпана бледно-коричневыми родинками. Это действительно неправильный гендер. Редкий. Пожалуй, с ним может быть даже интересно. Как он лихо вычислил, что она прибыла с севера!

Она прошла к свободному диванчику.

– Угадали, я точно из Гразида. А вы не храпите? – спросила не столько потому, что действительно опасалась храпа, сколько для того, чтоб хоть что-нибудь спросить, поддержать

разговор. Она до сих пор не задумывалась, как звучит ее речь, местные рипенцы действительно рубили слова, а она чуть растягивала окончания. Северяне все «поют» немного.

Гендер опять попытался улыбнуться, морщины на лице раздвинулись, и Атрелла догадалась, что так он улыбается.

– Бессонница – удел стариков, – он поерзал ногами, пытаясь приподняться. – Может быть, познакомимся? Меня зовут Ирваниэль Валехо.

Поразительно, он не назвал клана. Или Валехо – клан?

– Атрелла Орзмунд, – сказала девушка, – а из какого вы клана? Валехо?

– Ни из какого, – ответил гендер, – моего клана больше нет. Был... Я одинок и бездетен.

Атрелла уселась напротив гендера.

– А ты, наверное, дочка известного профессора, лекаря Орзмунда из Гразида? – предположил он. Атрелла покраснела и кивнула. – Я читал его работы. – Гендер деликатно не сказал «читал о нем».

– Он уже не преподает в университете.

– Я слышал и об этом, – Ирваниэль изобразил грустное лицо, и все морщины повисли, – он пытается решить проблему гендерной дистрофии.

– Он делает операции по смене пола ва... ваш... гендерам, – в голосе Атреллы проскочила нотка раздражения.

– Я этого не одобряю, – заявил гендер. – А ты?

– И я, – сказала девушка и невольно улбнулась. – Я из-за этого из дому ушла. С папой поругалась.

Ирваниэль молчал, рассматривая Атреллу.

– Вы меня осуждаете?

– Нет. Это серьезный поступок. Но ты, наверное, нас терпеть не можешь? Хочешь, я попрошу переселить меня в другой номер?

Атрелла замотала головой:

– Нет! Вы совсем не такой, как те гендеры. Не нужно!

Ирваниэль почему-то протер глаза, в которые набежали слезы.

– Ты знаешь, я сотни лет не выходил из библиотеки, и у меня голод общения... очень хочется поговорить с кем-нибудь. Если я тебе надоем, скажи – я буду молчать, а если тебе не трудно, давай разговаривать?

Атреллу насмешило такое предложение, и она прыснула в кулак. Молчаливый гендер – это чудно. Нет, не молчаливый – молчащий, молчавший... и просит общения. Ух, наверное, он действительно очень хочет поговорить! Забавный дядька. И говорит он не так, как все гендеры, а как люди. Коротко и по существу.

– Извините, – сказала она, – это очень необычное предложение.

– Ничего страшного, – гендер совсем не обиделся, – мне будет проще, если ты меня будешь спрашивать, а я поддержу любую тему. Не знаю, что ты захочешь спрашивать. Я ведь все знаю, что пишут, о чем говорят и что мне довелось видеть.

– А чем вы занимались в библиотеке? – спросила Атрелла, разбирая свою сумку.

– Работал, – просто ответил почтенный Валехо, – я главный королевский архивариус Рипена. Архивы – это мое дело. Каждому документу нужен перевод, а я ведь знаю все языки континента и прилегающих островов, и каждому документу нужно отвести место в хранилище, записать в каталог. Это большая работа. Она под силу только гендеру. Правда у меня уже есть помощник, тоже гендер. Но я с ним мало общаюсь. – Гендер сморщился, – очень много болтает не по делу. Я отвык.

– А разве Рипен не стал республикой уже пятьдесят лет назад? – удивилась девушка.

– Да, это была очень интересная история. Пятьдесят два года назад король Феру сам все подготовил и созвал государственный совет – я хорошо помню эти события, если хочешь, могу рассказать.

Атрелла помотала головой:

– Не надо. Я учила историю. Но если короля давно нет, то почему вы – королевский?

Они не заметили за разговором, как транспорт пошел, медленно набирая скорость.

– Так получилось, – сказал Ирваниэль. – Главные архивы находились со времен исхода в королевском замке в Тарборне, ведь с людьми из гибнущего Харанда в страну хлынул поток документов, книг, рукописей, чертежей. Вывозили все, что могли и успели захватить. И все это нужно было как-то сохранить. Вот тогда и был издан указ о создании королевского архива, а я получил назначение только через двести тридцать три года после наложения проклятия на земли Харанда и начала исхода его жителей. До моего назначения все документы и артефакты складывали в подвале, даже не всегда записывая поступление. И я приступил к сортировке и переводу. Должность моя, какой была, такой и осталась – вот уже тысячу двести двадцать семь лет я – королевский архивариус.

Гендер уже дважды упомянул об исходе. Из истории Атрелла знала о том событии, что произошло чуть больше полутора тысяч лет назад. Выходило, что гендер Валехо был ровесником ему, а может, даже помнил Харанд еще до гибели?.. Все-таки нелюбовь ее к гендерам была не так велика, чтоб отказаться от общения со столь необычным попутчиком.

Ирваниэль все лежал на диванчике, иногда закрывал глаза и впадал в дрему. Впрочем, за его морщинами глаз было почти не видно. Он действительно не храпел, а из-за того, что и дыхание, и сердцебиение у гендеров редки, казалось, будто он умер.

Атрелла не стала беспокоить старика, примостилась у окошка и принялась смотреть на весеннюю природу центрального Рипена. Зеленела трава, выстилавшая землю вдоль дороги. Где-то внизу проплывали занятые своими делами люди, редкие постройки и сады, сады... еще не цветущие, но уже сплошь покрытые розовыми бутонами.

Прошло около часа.

Ирваниэль завожился на диване и, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Сначала поменять название моей должности забыли, а потом сохранили как память и, как говорите вы, молодые, – для прикола.

Атрелла повернулась к гендеру и кивнула:

– Действительно, прикольно. Только я это слово не люблю. Меня воспитывал отец, а он очень строгих правил и все школьные молодежные словечки не признает.

– А мама? – гендер произнес это слово с неожиданным чувством, очень тепло, – в каких вы отношениях?

– А маму я не помню. Мне сказали, что она умерла в родах от кровотечения. Это случается, почему-то иногда с литариями-лекарями.

Гендер не отреагировал на ее слова никак, он закрыл глаза и, покопавшись в памяти, предложил:

– Если тебе интересно, я могу кое-что рассказать о твоём отце, когда он был молод и учился в университете.

Атрелла подскочила от удивления:

– Вы его знали?

– Нет, не знал, – морщины на лице гендера обозначили улыбку. – Но я читал кое-какие документы и кое-что знаю о Витунге Орзмунде.

Девушка жадно уставилась на престарелого гендера:

– Расскажите, пожалуйста!

– Несколько лет назад я получил архивы «Коллегии национального здоровья», – гендер опять повозился на диване, устраиваясь поудобнее. – Так раньше называлось министерство.

Фамилия Орзмунд мне знакома, как любому гендеру. Меня заинтересовал этот человек, и я стал более внимательно разбирать все документы, которые прямо или косвенно касались его.

«Все-таки гендеры не умеют говорить коротко», – подумала Атрелла.

Заведя речь на любимую тему, Ирваниэль говорил монотонно, будто читал запечатлевшиеся в памяти документы:

– Вот рапорт полицейского управления Тарборна от пятнадцатого апреля тысяча шестьсот пятнадцатого года... – Атрелла в уме сосчитала, что отцу тогда было, как ей, лет семнадцать-восемнадцать. – Ночью в участок центрального округа были доставлены студенты медицинского факультета Индрэ Анколимэ, Релина Ловиндэрэ и Вйтунг Орзмунд. Все трое находились в нетрезвом состоянии. Студенты были задержаны за попыткой пересадки голов кошки и собаки, принадлежавших трактирщику, в заведении которого указанные студенты отмечали сдачу экзамена по оперативной хирургии.

Атрелла рассмеялась:

– Папа такой озорник?

– К рапорту подшиты объяснительные, из которых следовало, что идея и методика операций предложены Релиной. К счастью, трактирщик вызвал полицию, и операция закончилась, не начавшись. «Хирурги» были оштрафованы на десять литов.

Атрелла хохотала до слез.

– Этого не может быть! Папа оперировал кошку? – она уже не смеялась, а стонала от смеха. А Ирваниэль сказал серьезно:

– Гендеры не могут врать, милое дитя. Я рассказываю дословно, как написано в полицейском отчете и рапорте в Коллегию НЗ. Если в этом документе и есть ложь, то не моя. Но я думаю, что все было правдой. Релина Ловиндере в своей объяснительной написала, что таким способом она хотела продемонстрировать свое мастерство друзьям и добиться признания в превосходстве над ними – врачами высшего ранга и студентами последнего курса.

Тут до девушки дошло.

– Погодите! Вы сказали, что их соучастницу звали Релина! Так звали мою маму. А Индрэ Анколимэ – это старый друг отца, он мне посох подарил, когда я родилась, – Атрелла показала на стоявший в углу посох.

– Что же случилось?

– Папа сказал, что мама умерла.

С лицом Ирваниэля что-то происходило, но он не улыбался.

– Извини. Это папа так сказал? – гендер вдруг заскрипел, будто в горле появился песок.

– Да, а что? – удивилась Атрелла.

– Я ничего не могу утверждать, девочка, я просто читал один любопытный документ, датированный двадцать девятым февраля одна тысяча шестьсот двадцать пятого года.

Это был год, когда Атрелле исполнилось четыре. Она жадно слушала.

– Докладная из Адмиралтейства: «Двадцатого февраля исследовательским парусником „Созвездие“ к югу от Слемирова архипелага был подобран плот с потерпевшими кораблекрушение паломниками», – гендер замолчал, Атрелла затаила дыхание. – Всего с плота снято одиннадцать человек, все женщины. К рапорту прилагался список имен с документами; так вот, под номером девять значится Релина Ловиндэрэ – жрица Безутешной первого ранга.

Атрелла побледнела. Мама – жрица богини Нэре? Этого не может быть! Все лекари – литарии. Может быть, это была другая женщина? Имя и имя рода... если имя может совпасть, то род? Это невероятно.

– Вы уверены, что это она?

– Я ни в чем не могу быть уверен, милая девочка, – гендер подергал себя за нос, – если чего-то не видел или не слышал сам. Я видел и читал документ, о нем тебе и рассказал. Имеет ли та женщина отношение к твоей маме, или она назвалась этим именем с целью скрыть свое

истинное – я не знаю. Люди могут обманывать. А ты знаешь нэреитов: для них морально все, что выгодно. С другой стороны, зачем кому-то может быть выгодно назваться именем твоей матери?

Вопрос резонный. Атрелла спросила:

– Господин Ирваниэль, скажите, а что еще было в том рапорте? Откуда плыли те паломницы? Куда их доставил корабль «Созвездие»?

– «Созвездие» высадил их в порту Ларин на северной оконечности острова Орий, сам же продолжил плавание. Дальнейшая судьба паломниц мне неизвестна. А вот откуда плыли?.. – Гендер погрузился в воспоминания и будто прочел по памяти: «...подобранны одиннадцать женщин, назвавшиеся жрицами богини Нэре, следовавшими из порта Хандер на корабле „Элав“ к Слемировым островам с целью поиска развалин протохрама Безутешной».

Атрелла пыталась вспомнить: где это – Хандер? Но Ирваниэль ее опередил:

– Хандер – это маленький порт королевства Кола.

Тут девушка вспомнила: Кола – это полуостров на севере материка, там расположилось одно из самых загадочных государств мира. Все рассказанное старым гендером потрясло ее. Атрелла тихо выскользнула из номера – ей не хотелось, чтобы гендер видел, как она плачет – и пошла по длинному пустому коридору. Слезы душили.

Отец всегда уходил от разговоров о маме. «Умерла в родах... меня не было рядом. Лекарь, принимавший тебя, оказался слаб и неопытен», – все, что он рассказал однажды.

Акушерское кровотечение – грозное осложнение родов, когда раньше времени отслаивается послед. Погибнуть могут и мать, и плод, но любой лекарь, более-менее владеющий навыками остановки кровотечений, может спасти или роженицу или ребенка. Главное, быстро отреагировать на первые симптомы – не мешкать ни в коем случае. Это Атрелла хорошо усвоила, однажды летом в Гразидском госпитале ей пришлось самостоятельно бороться с таким недугом минут пятнадцать, пока не подбежали старшие лекари. Какой же бестолочью оказался тот, кто принимал роды у мамы?! Впервые она не поверила словам отца. Но для чего ему обманывать? Почему Лит допустил, чтобы мама умерла?

Это она сможет узнать, только если вернется.

В конце коридора оказалась застекленная дверь, и Атрелла вышла на небольшой балкончик. Задувал теплый весенний ветер, с неба светило солнышко. Девушка присела на лавочку и позволила себе поплакать вволю.

Когда Атрелла отправлялась с междугороднего вокзала, на окраине Кренга к причальной мачте швартовался дирижабль из Норскапа. Его зацепили якорями за специальные ушки и подтянули к земле. Экипаж пошел отдыхать, а рабочие тем временем разгрузили отсек с почтой.

Среди посылок и бандеролей на разборку пошли ящики с письмами. Одно было адресовано в Управление безопасности ордена безутешной богини Нэре. Письмо прибыло из Ганевола. Следовательно, на всякий случай, обшарив за пять дней герцогство в поисках следов Атреллы, убедился, что вероятной преступницей остается девушка, вписанная пассажиром на лесовоз «Нарвал». Агентам ордена предписывалось осторожно выяснить у команды лесовоза, как зовут девушку и куда она могла направиться дальше.

Письмо попало в орден после полудня, еще около двух часов пролежало в почтовом ящике, и наконец, было вскрыто и прочитано.

Начальник Управления озадачился. Преступления, описанные в письме, достаточно серьезны, чтобы поднять на ноги всех агентов побережья. Но с другой стороны, агент из Норскапа указывал, что лекарка неизвестна, что лечит бесплатно и явила себя очень сильным целителем, в одиночку удалив смертельную опухоль у пожилого мужчины. А нэреитам хорошо известно, что целитель может не только вернуть к жизни умирающего, но и одним прикоснове-

нием остановить сердце или парализовать. Безответственный, хулиганствующий лекарь опаснее безумца с ножом в руке. Но ни имени, ни особых примет, ничего конкретного не сообщалось. Кроме перечисления преступлений.

Лекарка – явная литарийка, но, похоже, ни к одному храму или ордену не принадлежит. И раз так, то ее можно без проблем уничтожить, не давая потом никому никаких объяснений.

Вся медицина в Рипене и многих странах мира тщательно регламентирована. Лекарям запрещено исцелять безнадежных больных, поэтому случай с Жаберином Дохоланом – вопиющее нарушение закона! Его давно ждали в царстве Нэре – царстве мертвых, а теперь, из-за этой девчонки, Безутешная не получит его еще долго. Это непорядок! За одно это преступление она может быть уничтожена. А сколько еще она может совершить разных бед?

Начальник вызвал трех агентов и приказал им разыскать гуляющих в порту членов команды «Нарвала» и деликатно за рюмкой чая выяснить все, что можно, об их пассажирке.

К сожалению, капитан Шармин за делами оформления нового фрахта совершенно забыл предупредить команду, что откровенничать насчет Атреллы нежелательно. А впечатления от ее помощи Юргесу были столь велики, что агентам ордена не составило труда узнать: девушку звали Атрелла. Фамилии ее назвать никто из команды не мог, но и этого было уже немало, в совокупности с рассказом об операции, проделанной ею во время шторма. Агенты примчались с докладной к начальнику уже под вечер. К преступлениям добавилось еще одно. Осталось разузнать самую малость – полное имя преступницы. В судовой роли она должна быть вписана.

Капитан Шармин был изрядно удивлен, когда его среди ночи вызвали в портоуправление с журналом и судовой ролью. Он ни на минуту не задумался, что это может быть как-то связано с пассажиркой. Он думал о новом грузе, новом рейсе и списании на время Юргеса для долеживания, а также о розыске матроса для замены на месяц-два. В портовой канцелярии проверили записи, и начальник Управления мигом составил рапорт в центр о прибытии на западное побережье Рипена опасной преступницы – Атреллы Орзмунд, примерно пятнадцати-двадцати лет. Всем отделениям рекомендовано принять все возможные меры к ее розыску и даны приметы: рост ниже среднего, светлые волосы до плеч, глаза серые, одета в меховой плащ, при себе имеет: черный, инкрустированный серебром посох, дорожная сумка – это все, что мог сообщить следователь из Ганевола. В случае оказания сопротивления при задержании преступницу дозволялось уничтожить. Все нэреиты знали, что лекарь может не только исцелить, но и убить одним прикосновением. О том, что литарий – убивать никогда не станет в силу веры своей и убеждений, они не думали. Раз может, значит однажды сделает. Мало ли они знают людей, которые совершают различные действия, в том числе преступные, не потому что нужно, а потому что могут?

Рапорт с помощью светового телеграфа разнесся по стране. И уже утром следующего дня все агенты безопасности Безутешной вышли на вокзалы, встречать прибывающих путешественников. Агенты ничем не отличаются от обычных людей. Разве что взгляд холоднее, да улыбка не любезна, а будто маска. А так – люди как люди, каких большинство.

После известия, что мама, возможно, жива, Атрелла до сумерек ходила сама не своя. Гендер помалкивал. Он по-прежнему полулежал на диванчике, то ли в дреме, то ли в задумчивости. Девушка к вечеру успокоилась, выплакалась и улеглась – и, не замечая соседа, забылась беспокойным сном под мерное покачивание самоходного дома. Она не заметила ночной остановки на два часа в городе Кажин. И ей фантастически повезло, что агент, проходивший по транспорту под видом разносчика напитков и пирожков, наткнулся на гендера Ирваниэля. Тот выполз до половины корпуса в коридор, при этом не снимая зада с дивана, купил пирожков и кувшин с яблочной брагой для Атреллы и пива для себя. Агент не догадался спросить, есть ли кто-нибудь еще в номере, решив, что гигант уж наверняка путешествует один. А раз патологически честного гендера не спросили, то с какой стати он будет сообщать, что опасная

преступница Орзмунд мирно сопит в две дырочки прямо напротив него, невидимая агенту за стенкой, и посох ее стоит тут же, в одежном шкафу?

И вот на рассвете уже полетели первые рапорты о том, что разыскиваемая девушка не обнаружена. Коварная литарийка у бебешников получила статус «особо опасной», дающий право при оказании сопротивления уничтожить.

Проснувшись, Атрелла увидела снедь, купленную заботливым гендером. Есть хотелось очень сильно. Но она первым делом помолилась, попросив прощения у Лита за то, что вчера забыла прочесть молитву перед сном. В заключение она горячо попросила бога помочь в поисках мамы, но на этот раз привычного толчка в сердце и разливающейся теплоты не ощутила. Значит, Лит все-таки обиделся на нее? Но это ничего. До вечера есть время умиловить его добрыми поступками. Она обязательно сделает что-нибудь хорошее.

Лит не умеет долго сердиться, он же самый добрый и веселый бог. Он обожает детей, молодоженов и бескорыстных открытых людей. Правда, он еще и порядочный распутник, потому что благословляет всех детишек, и законнорожденных, и бастардов. Ему не важно, от кого и как кто родился. Как говорится в учении литариев, все, что по любви, – от бога и для бога!

Лекарям дозволено прерывать беременность лишь в одном случае – если она наступила в результате насилия. И то, если будущая мать сперва получит благословение в храме Лита или договорится об упокоении души нерожденного младенца в храме Нэре. В первом случае нужно было на исповеди громко и от всего сердца рассказать богу, – а при этом слышат и жрецы, и другие прихожане храма – о своей беде. Нужно признать свой грех ненависти к младенцу – чаду от насильника, и, может быть, жрец даст разрешение на прерывание... правда, чаще он такого разрешения почему-то не давал. У нэреитов же достаточно принести некую сумму, которую укажет жрец, и дать имя еще живому младенцу, об упокоении которого жрец будет просить богиню. Обычно после этого случался выкидыш, а если нет, значит, богиня решила – младенцу жить! И никто уже не рисковал идти против ее воли.

Впрочем, нежеланных младенцев всегда можно было продать. Охотнее всего их скупали однополые супружеские пары из сект «детей голубой и розовой луны». Эти нэреиты считали, что разрушать завет Лита: «Плодитесь и размножайтесь» – лучшая форма служения Безутешной. Сами они детей иметь не могли, поэтому покупали нежеланных новорожденных и воспитывали в присущих их религии традициях.

Большинство людей в мире, те, кто верил и принимал догмат о существовании главных богов, которые присматривают за человечеством, – Лита-солнца, создателя всего живого на планете, и его ревливой и мстительной жены Нэре – в различных ситуациях обращались то к одному богу, то к другому. Ибо каждому дано право выбора: идти вверх, к солнцу, и пополнить хор Лита, которым этот светлый бог надеется убедить жену в искренней любви и успокоить ее – или спускаться вниз, во тьму, чтобы влиться в ряды армии Нэре, для окончательной битвы, после которой на всей планете установится ее власть, а Лит признает свою измену.

Атреллу не устраивало царство Нэре, где правят холодные и жестокие люди, во всем видящие одно – выгоду или убыток. Где главными заповедями были: морально все, что выгодно; моя улыбка стоит дорого; все можно купить, но не все, что продается, должно быть дешево; бескорыстие аморально, милосердие и благотворительность есть деяния безумцев, а доброта – порок, впрочем как и немотивированная жестокость.

Закончив с молитвой, девушка скрылась в туалете и умылась. Она решила немного преобразиться по рипенской моде и, проведя пальцем по бровям и векам, добавила пигмента, отчего брови стали намного темнее, а глаза выразительнее. Она завилась, накручивая волосы на палец, и немного осветлилась, отчего волосы приобрели золотистый оттенок. Вышла в номер яркая кудрявая и чернобровая блондинка.

Морщины гендера обозначили улыбку.

– Ты будто дочь самого Лита, – сказал Ирваниэль, – таких детей рисуют на картинах в храмах солнечного бога. Я читал, что Слемир был такой же – живое воплощение Лита.

Атрелла ничего не ответила, только хмыкнула и повела плечами. Она разобрала узел, в который упаковала вещишки, купленные на рынке в порту, переделалась и превратилась в самую обыкновенную рипенку.

По мере продвижения транспорта на восток становилось холоднее. Рассветный ветерок, залетающий в окно, сильно отличался от вчерашнего дневного.

Гендер показал на пирожки и кувшин с бражкой:

– Угощайся, милая девочка.

Атрелла откусила полпирога с ягодами и, жуя, сказала:

– Фпасибо, ошень фкуцно. А мы уше талеко отехали?

Гендер понял вопрос:

– Прошли чуть больше одной пятой пути. Мы въехали в Виноградную долину. Пожалуйста, не говори с едой во рту, твоя речь похожа на речь ориев, а меня от звуков их голоса пробирает дрожь.

Атрелла стала вспоминать географию Рипена, которую в школе проходили весьма и весьма и бегло, да еще и учитель-географ был дурак, оттого интерес к предмету угас, не появившись. Перебирала в уме карты страны, пока не вспомнила: Виноградная долина – аграрный район в центре страны, низина, по ней течет река Верна. Протяженность долины с запада на восток – около тысячи километров. Это значит, что еще дня два или три они будут ее пересекать. Главное производство – виноделие, зерновые, малое животноводство, легкая промышленность. Несмотря на нелюбовь к учителю, Атрелла обладала хорошей памятью и училась неплохо.

За окошком виднелись сплошные голые виноградники, лозы были укутаны мешковиной: кое-где еще лежал снег. От теплого побережья дорога уводила на восток, к Большому Рипенскому хребту, к холодам, снегу и горным речкам.

Все-таки, хоть и конец февраля, а зима цепко держалась за свое. Маги не вмешивались в погоду, если только не надвигалось что-нибудь угрожающее. За исполнением закона о магической деятельности следило специальное управление.

Бражка согрела сердце, развеселила. Вчерашняя грусть, навеянная сообщением о том, что мама, вероятно, жива, а отец обманул, рассеялась.

Атрелла уселась у окошка и приготовилась разговаривать, как просил Ирваниэль. Она вспомнила, что старый гендер сказал: «Спрашивай, мне так проще» – поэтому обратилась:

– Уважаемый Ирваниэль, расскажите, пожалуйста, об исходе! Вы несколько раз упомянули об этом событии. Я знаю, что последнее летоисчисление в Рипене и прилегающих к Харанду государствах начинается с того года. Но почему случился исход?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.